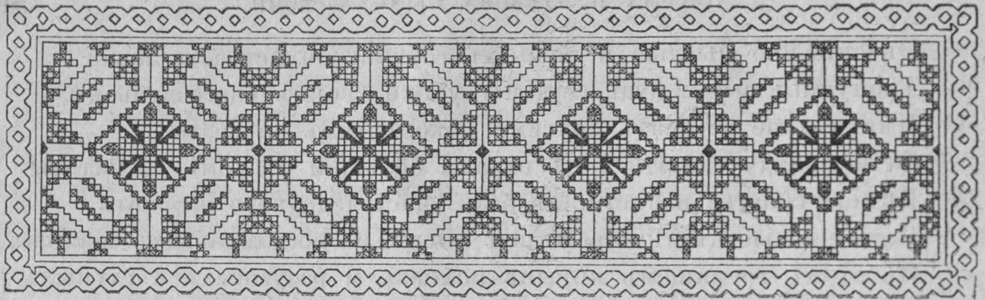
ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1913

7

МОСКВА
Синодальная Типографія
1913

Воспоминанія Анны Козьминичны Лелонгъ

Наканунѣ Новаго Года, нашего храмоваго праздника, опять убирался и мылся домъ. Разбирали нашу елку, лакомства съ нее получали мы; въ этотъ же день почти всегда пріѣзжала наша тетя Варвара Ивановна изъ Бойчицъ. Ея пріѣздъ былъ для насъ большой радостью, мы всѣ ее очень любили.—Она всегда такъ мило и живо разсказывала намъ о разныхъ событіяхъ въ своей жизни. Навезетъ, бывало, намъ множество лакомствъ собственнаго приготовленія. Вечеромъ всегда наканунѣ Новаго Года бывала всенощная и молебенъ Василію Великому. Вечеръ проводили семейно. Встрѣчи Новаго Года у насъ въ старину до моего выхода замужъ никогда не было. Общимъ совѣтомъ вечеромъ составлялось меню праздничнаго обѣда. Призывался Тихонъ, который уже заранѣе успѣлъ приготовить заливныя въ фигурныхъ формахъ, это блюдо онъ называлъ „галантинъ", и приготовленіемъ его очень хвалился.—Его всѣ очень упрашивали хорошенько приготовить обѣдъ и не напиться пьянымъ раньше нашего обѣда, что онъ конечно, обѣщалъ, но не всегда исполнялъ. Часто его приходилось выручать нашимъ горничнымъ, старухамъ, которыя умѣли стряпать не хуже его. Вечеромъ послѣ ужина подаваемаго всегда въ 9-ть часовъ устраивали въ столовой гаданье: брали лукъ, изъ котораго вынимали середину такъ, что образовывалась луковая чашечка, такихъ чашечекъ дѣлали 12-ть, по числу мѣсяцевъ, въ каждую чашечку насыпали соль, и клали ихъ кругомъ на столѣ, дѣлая надъ каждой чашечкой надпись мѣсяца начиная съ Января. А намъ давали два стакана и мы въ нихъ сами наливали воду, а въ воду выпускали яичный бѣлокъ.—Утромъ Новаго Года всѣ вставали рано, зажигали огни во всѣхъ комнатахъ. Всѣ мы отправлялись въ столовую, пропитанную отвратительнымъ запахомъ лука, мы дѣти съ любопытствомъ брали наши стаканы и смотрѣли

на фантастическія фигуры, образованныя въ нихъ бѣлкомъ въ видѣ храмовъ, башенъ или замковъ, изъ этихъ фигуръ мы старались создать себѣ какое либо пріятное для насъ значеніе. Старшіе же съ любопытствомъ осматривали луковыя чашечки и въ которой соль была мокрая, то тотъ мѣсяцъ по замѣчанію долженъ быть дождливымъ, или снѣжнымъ, смотря по времени года. Этому предсказанію кажется очень довѣряли; такъ какъ брали записную книжечку и записывали въ нее въ какіе мѣсяцы будетъ ведро и въ какіе ненастье. Предсказывали какая будетъ уборка хлѣба сухая или мокрая и т. д.

Приказывали все это скорѣе убрать и освѣжить комнату и для этого затапливали печи, открывали всѣ форточки, курили какимъ то душистымъ порошкомъ.

Отдавали разныя приказанія на счетъ обѣда, завтрака и пріема ожидаемыхъ на этотъ день гостей. Всѣ наши уѣзжали къ обѣднѣ. Насъ дѣтей въ этотъ день въ церковь не брали.

Для насъ это утро было очень веселымъ, мы выпрашивали себѣ у Ѳедора Ильича приготовлявшаго закуску гостямъ, на наши кукольныя тарелочки разныхъ разностей: копченой ветчины, красиво нарѣзанной ломтиками, а также сыру и икры. Въ старину все это подавалось нарѣзанное красивыми четырехугольными кусочками на множествѣ тарелочекъ. У Аксиньюшки выпрашивали также на игрушечныя тарелочки маленькихъ маринованныхъ рыжиковъ, опенокъ, а у тети Саши кусочки сырого тѣста. Я начинала изъ него дѣлать куличики и пышки для нашихъ куколъ, все сдѣланное изъ тѣста отправляла въ кухню къ Тихону печь. И начинался грандіозный пиръ у куколъ. Обѣдня въ этотъ день кончалась позднѣе и мы успѣвали до возвращенія нашихъ окончить нашъ кукольный пиръ и съѣсть все нами выпрошенное и приготовленное. Наши пріѣзжали отъ обѣдни вмѣстѣ съ тетей Варей, усаживались за чай, благодушно бесѣдуя о текущихъ событіяхъ, не забывая и политику. Много было толковъ о строгости и силѣ характера императора Николая I-го. Но его, насколько помню, не осуждали за это и даже какъ бы восхищались этой силой; но это не мѣшало имъ уважать и декабристовъ, читать стихи Рылѣева и Пестеля.

Съ 1850 года хотя, я еще и была очень мала, но помню какъ всѣ толковали о возможной войнѣ съ Турціей и съ тревогой по этому поводу встрѣчали Новый годъ.

Часовъ съ 12-ти начинали съѣзжаться гости и подавали завтракъ; разныя закуски, пироги и непремѣнно въ сотейникѣ телячья печенка въ сметанѣ.

За завтракомъ подавались разные фигурные графинчики съ различными водками, настоенными на разныхъ травахъ и молодомъ смородиновомъ листѣ; первая называлась травникомъ и имѣла видъ чая, а послѣдняя называлась листовка, и имѣла прекрасный яркій зеленый цвѣтъ.

Первыми всегда пріѣзжали гости изъ Клементьева.

Клементьево было отъ насъ только въ 6-ти верстахъ.

Тамъ жили родственные другъ съ другомъ семейства Гололобовыхъ и Рудневыхъ, послѣдніе были сродни и намъ по бабушкѣ, урожденной Колеминой. Тетя Александра Павловна очень любила семью Рудневыхъ, которая вначалѣ состояла изъ вдовы Александры Васильевны, которую мы звали тетей, у ней было двѣ дочери: Анна Владимировна замужемъ за Григоровымъ, жила въ Зарайскѣ, была очень несчастлива и умерла молодой. Вторая дочь Елизавета, дѣвица кончившая въ Смольномъ институтѣ хорошенькая, чувствительная, любимица моей тети Александры Павловны. Сынъ Василій Владиміровичъ, офицеръ, кутила, игрокъ, очень веселый, добродушный, тоже любимецъ нашей семьи. Александръ Владиміровичъ—ученый профессоръ Московскаго Университета, скучный, вѣчно думавшій о своемъ здоровьѣ; его, кажется, никто не любилъ, но всѣ очень уважали и даже, кажется, немного побаивались:—такъ онъ всѣхъ нашихъ милыхъ, простыхъ деревенскихъ обитателей угнеталъ своей ученостью и педантизмомъ во всемъ. Бывалъ онъ въ деревнѣ рѣдко. Еще у нихъ было два брата студента—Евгеній и Леонидъ, но я ихъ почти не помню, они были очень красивы, и оба умерли въ юности.

Тетя Александра Васильевна умерла вскорѣ послѣ своей дочери Анны Владиміровны и я уже больше помню ея вторую дочь Елизавету жившую въ домѣ своей бабушки, матери Александры Васильевны, Анны Яковлевны Гололобовой. Помню ихъ низенькій чистенькій домикъ съ мезониномъ на верху;—какъ въ немъ было уютно и хорошо. Маленькая зала имѣла видъ сада, вся была заставлена цвѣтами и отъ зелени въ комнатѣ былъ полусвѣтъ.

Между зелеными кустами была масса кустовъ, которые цвѣли яркими розовыми и красными цвѣтами.

Полъ въ этой комнатѣ былъ посыпанъ чистымъ золотистымъ пескомъ.

Посрединѣ комнаты стоялъ обѣденный столъ окруженный стульями, и мнѣ казалось всегда, что мы обѣдаемъ въ саду.

Семья эта состояла изъ бабушки Анны Яковлевны, старушки лѣтъ 85-ти, хорошенькой, маленькой, худенькой, бѣленькой, въ черной накидкѣ и чепчикѣ съ лиловыми или желтыми лентами; она уже никуда не выѣзжала, но сохранила ясный разумъ, была очень привѣтлива и гостепріимна: съ ней жила дочь Прасковья Васильевна, дѣвица, старуха, которая по словамъ матери и тетки была настоящая красавица съ молоду, и не вышла замужъ потому, что была очень разборчива. Она и въ старости не могла примириться съ потерей красоты, немного румянилась и носила черный парикъ, поверхъ котораго надѣвался изящный бѣлый чепчикъ. Она занималась всѣмъ домашнимъ, хозяйствомъ и была очень скупа, что замѣчали всѣ посѣтители ихъ дома и часто надъ ней за глаза посмѣивались. Съ ними жилъ сынъ Анны Яковлевны Василій Васильевичъ Гололобовъ, отставной маіоръ, онъ велъ все полевое хозяйство и всѣ дѣла своей матери, былъ холостъ и тоже уже очень немолодъ, имѣлъ невѣсту въ Егорьевскомъ уѣздѣ, нѣкую де-Медемъ, которая все время водила его, какъ говорится за носъ, оставляя его про запасъ, но лучшихъ жениховъ такъ и не дождалась, старухой уже вышла за него замужъ въ одинъ годъ со мной и умерла вдовой въ Клементьевѣ, гдѣ ихъ дѣти живутъ до сихъ поръ. Потомъ у нихъ послѣ смерти матери жила Елизавета Владиміровна и двѣ дочери другого сына вдовца Ардаліона Васильевича Гололобова—Анна и Лиза. Отецъ служилъ гдѣ то очень далеко, а дѣвочки воспитывались у бабушки. Учила ихъ Елизавета Владиміровна, отецъ за нихъ платилъ ей большія деньги, а также и за ихъ содержаніе своей матери, ихъ бабушкѣ. Помѣщались всѣ три барышни въ мезонинѣ на верху. Я была очень дружна съ Лизой Гололобовой, которая была старше мени года на три. Жизнь этихъ дѣвочекъ у бабушки была довольно печальная. Прасковья Васильевна была страшно своевольна и по своей скупости плохо ихъ одѣвала и кормила, а Елизавета Владиміровна не смотря на свою сантиментальность и поэтичность была очень капризная учительница.

И вотъ они, вся семья изъ Клементьева, какъ самая ближайшая, пріѣзжала къ намъ всегда первая. Я всегда бывала очень рада пріѣзду Лизы Гололобовой. Сейчасъ, бывало, уведу ее къ себѣ на верхъ показываю ей свои куклы, книги, а она бывало мнѣ разсказываетъ о своихъ горестяхъ и обидахъ, которыя имъ съ сестрой приходилось терпѣть отъ Прасковьи Владиміровны и отъ Елизаветы Владиміровны. Впослѣдствіи, когда отецъ этихъ дѣвочекъ вернулся со службы, вся семья поселилась около насъ въ Торжневѣ въ разстояніи меньше версты отъ Карцева. Отецъ Лизы и Анны—Ардаліонъ Васильевичъ, купилъ или получилъ въ наслѣдство небольшое количество земли, въ Торжневѣ, выстроилъ маленькій хорошенькій домикъ и переѣхалъ въ него жить съ обѣими дочерями, изъ которыхъ старшая Анна скоро вышла замужъ, а Елизавета осталась полной хозяйкой въ домѣ отца и, мы съ ней навсегда остались большими пріятельницами.

Вскорѣ послѣ гостей изъ Клементьева пріѣзжали къ намъ изъ Плѣшковъ—докторъ Милоглядовъ съ женой Екатериной Ѳедоровной. Онъ былъ другомъ моего отца, служилъ военнымъ докторомъ въ томъ же полку, гдѣ и отецъ, одновременно съ нимъ вышелъ въ отставку и женился на Зарайской помѣщицѣ. Между нимъ и его женой ничего не было общаго. Онъ до конца жизни оставался студентомъ стараго времени, любилъ классицизмъ, восхищался древними мыслителями и любилъ декламировать латинскіе и греческіе стихи. Любилъ вспоминать свое дѣтство, которое прошло въ глухомъ селѣ Муромскаго уѣзда. Онъ былъ сынъ бѣднаго дьячка, любилъ на свое рожденіе (рожденіе и именины приходились въ одинъ день) всегда разсказать, что мать его родила въ полѣ, гдѣ жала рожь и принесла его новорожденнаго въ подолѣ своего платья домой. Припоминалъ, какъ ходилъ домой изъ семинаріи босой и пѣшкомъ и т. д. Былъ онъ, какъ говорятъ, настоящій красавецъ, рослый, статный. У меня въ памяти, остался уже старикомъ, но и тогда былъ очень еще красивъ.

Насъ дѣтей онъ очень любилъ и баловалъ. Жена же его, урожденная Солнцева, была сиротой воспитана въ очень важной аристократической семьѣ; получила прекрасное по тому времени свѣтское воспитаніе, постоянно страдала нервными болѣзнями, возмущалась плебейскими вкусами своего мужа, ревновала его ко всѣмъ хорошенькимъ крестьянкамъ и горничнымъ. Семейная ихъ жизнь была очень печальна. Много разъ она собиралась разводиться съ мужемъ и моему отцу, которому всегда супруги Милоглядовы отдавали на судъ свои ссоры, большого труда стоило мирить ихъ. Кромѣ Милоглядовыхъ

пріѣзжали Мельгуновы: они имѣли небольшое имѣніе въ Карцевѣ, которое получили отъ совершенно посторонней—старой дѣвы Рогозиной, за что, помню, мать и тетя ихъ осуждали находя, что старикъ Мельгуновъ разными интригами перессорилъ старуху Рогозину съ ея настоящими наслѣдниками Марсочниковыми, чтобы получить ея имѣніе. Къ намъ ѣздили молодые Мельгуновы, дѣти старика Ивана Андреевича, котораго я уже почти не помню, онъ умеръ когда я была еще очень невелика. Къ намъ пріѣзжали два брата Николай и Иванъ Ивановичи оба холостые и двѣ барышни очень миловидненькія—Анна и Варвара. Варвара вышла скоро замужъ, а Анна такъ и осталась дѣвицей и всегда жила и живетъ съ братомъ Иваномъ Ивановичемъ въ родовомъ имѣніи Боркахъ. Эти барышни, особенно меньшая Анна или, какъ мы ее звали Аннеттъ, была тоже нашей подругой, хотя была лѣтъ на 7 старше меня, но она была очень моложава, хорошенькая, тоненькая, кудрявая, румяная, была любимицей брата Ивана Ивановича. Тотъ постоянно и дома, и въ гостяхъ, цѣловалъ ее. Послѣ пріѣзда Меньщиковыхъ всѣ уже начинали волноваться, что пора обѣдать, а Селивановыхъ изъ Любава все нѣтъ.

И вотъ въѣзжаетъ сразу множество экипажей, сначала повозка, въ ней сидитъ старушка Варвара Павловна съ горничной, старая дѣвица, воспитательница всей многочисленной семьи брата, рано потерявшаго красавицу жену, умершую родами послѣдняго сына Василія, который остался навсегда при отцѣ и сталъ послѣ его смерти хозяиномъ Любава. Остальные сыновья получили другія имѣнія и, по зимамъ большею частью живали въ Москвѣ. Иногда пріѣзжалъ и старикъ Василій Павловичъ, нашъ крестный отецъ, тоже въ отдѣльной повозкѣ и съ своимъ лакеемъ, но онъ ѣздилъ рѣдко.

И наконецъ въѣзжалъ возокъ, въ которомъ помѣщались молодые Селивановы—Василій Васильевичъ съ женой Маріей Дмитріевной,—также съ своей горничной. Пріѣздъ молодыхъ Селивановыхъ поднималъ весь домъ вверхъ дномъ. Марія Дмитріевна была уже много лѣтъ замужемъ, имѣла много дѣтей, но оставалась до конца своей жизни институткой стараго времени, любила музыку, сама очень мило пѣла, прелестно танцовала, любила всегда вспоминать свою жизнь въ институтѣ, обожала всю царскую фамилію и была платонически влюблена во всѣхъ Великихъ Князей, сыновей Николая I-го, изъ которыхъ Константинъ Николаевичъ былъ ея ровесникомъ. Никакими домашними и хозяйственными дѣлами не занималась, и относилась къ этимъ занятіямъ съ полнымъ презрѣніемъ, за что

на нее часто сердился ея свекоръ, Василій Павловичъ, и въ свою очередь съ презрѣніемъ относился къ ея романтизму и сентиментальности. По его желанію, она должна была въ 8 часовъ утра сидѣть за самоваромъ, и зимой и лѣтомъ и ложиться спать въ десятомъ часу вечера и присутствовать при заготовленіи запасовъ осенью и лѣтомъ. Она не смѣла его ослушаться, и съ французскимъ романомъ въ рукахъ сидѣла въ погребѣ въ креслѣ, смотрѣла какъ солили огурцы или укладывали рубленную и шинкованную капусту въ кадки; за всѣ эти вынужденные подвиги называла свекра деспотомъ, тираномъ. Мужъ ее очень любилъ, послѣ смерти отца очень ее баловалъ и тогда она стала вести самую оригинальную жизнь, по своему вкусу. Вставала въ 5 часовъ пополудни, обѣдала въ 9-ть часовъ вечера, вечерній чай пила въ 11 часовъ, ужинала никогда не раньше 2 или 3-хъ часовъ утра и ложилась спать въ 5 или 6-ть часовъ утра: такъ что съ Октября до весны она не видала дневного свѣта, вставая, когда уже наступалъ вечеръ. Она была очень добрая, сердечная и религіозная женщина горячо любящая свою семью, но оригиналка замѣчательная, съ дѣтскимъ взглядомъ на жизнь.

И вотъ какъ только пріѣзжала она въ Карцево, начиналась суетня, ей отводили отдѣльную комнату, для этого насъ на одну ночь переселяли внизъ, въ образную, около спальни матери. Въ комнату, отданную Маріи Дмитріевнѣ, вносили ея чемоданы, шкатулки, горничныя бѣгали съ утюгами и сама Марія Дмитріевна одѣвалась къ обѣду, къ которому ее давно ожидали. Наконецъ всѣ были готовы и садились за столъ. Мать всегда страшно волновалась, боясь что уже поздно, Тихонъ пьянъ и обѣдъ будетъ испорченъ.

Насъ, дѣтей, сажали отдѣльно, вмѣстѣ съ Лизой Гололобовой и мальчиками Селивановыми, если пріѣзжали съ родителями изъ Кошелева, гдѣ жилъ старшій сынъ Василія Павловича—Павелъ Васильевичъ Селивановъ съ женой Александрой Александровной, очень красивой женщиной. Она была родомъ изъ Малороссіи и сохранила всѣ привычки той страны, страстно любила цвѣты и очень занималась садомъ. Мужъ ея былъ некрасивый, толстый, хромой, но имѣлъ прекрасный цвѣтъ лица и румяныя щеки; несчастье ихъ семьи составляли два сына Василій и Сергѣй, оба отъ рожденія глухонѣмые. Эти мальчики были ровесники намъ съ сестрой, но на Новый Годъ пріѣзжали рѣдко, такъ какъ почти всегда ихъ семья зиму, съ ноября до марта, жила въ Москвѣ. Александра Александровна всегда была очень ласкова со мной, привозила всегда намъ гостинцы и мнѣ, зная

мою любовь къ цвѣтамъ, всегда давала цвѣточныя сѣмена для моего садика, учила меня за ними ухаживать и научала дѣлать букеты изъ простыхъ полевыхъ и садовыхъ цвѣтовъ. Вся ея жизнь съ глухонѣмыми дѣтьми была полна страданій. Она сумѣла выучить ихъ говорить не только ручной азбукой но и гортанными звуками; слышать ихъ разговоръ было очень тяжело. Она ихъ также выучила прекрасно писать и мы съ ними всегда разговаривали письменно.

Потомъ ихъ отдали въ Петербургъ въ институтъ глухонѣмыхъ, за нихъ вносили очень дорогую плату. Ей предлагали готовить одного мальчика и за это учить ея дѣтей безплатно, но она отъ этого отказалась, говоря, что того, что она дѣлала для своихъ несчастныхъ дѣтей, для посторонняго ребенка ни за какія деньги не сможетъ выполнить. Послѣ, когда глухонѣмыя дѣти уже выросли, у ней родился еще сынъ Николай, прелестный здоровый мальчикъ съ хорошимъ слухомъ и уже 6—7-ми лѣтъ говорилъ не только по русски, но и по французски. Но несчастная жизнь съ глухонѣмыми дѣтьми и глуповатымъ капризнымъ мужемъ, такъ разстроила ея организмъ, что вскорѣ послѣ рожденія Николая она стала болѣть и только спустя нѣсколько лѣтъ начала лѣчиться отъ болѣзни, которая уже давно зрѣла въ ея организмѣ; доктора посовѣтовали ей сдѣлать операцію, но она послѣ нея умерла, оставивши своего ненагляднаго мальчика Колю круглымъ сиротой. Онъ и до сихъ поръ владѣетъ Кошелевымъ, женатъ, имѣетъ дѣтей, прелестную, милую, добрую жену.

Глухонѣмые братья его умерли. Василій умеръ молодымъ, а Сергѣй недавно, старикомъ.

Итакъ всѣ усаживались за обѣдъ. Нашъ столъ, дѣтскій, къ которому еще присоединялись иногда и Анюта Мельгунова и Анночка Голоробова, былъ превеселый. Я часто забавляла моихъ гостей подражая старшимъ, на что была великая мастерица.

На нашъ столъ ставили превкусную шипучую водицу, которую называли „водянкой“; она имѣла вкусъ очень сладкаго шипучаго вина и мы ее пили въ маленькихъ рюмочкахъ; на нашъ столъ подавались остатки всѣхъ блюдъ и въ большомъ количествѣ пирожное, шоколадный пломбиръ съ очень вкусными бисквитами.

Послѣ обѣда пили кофе и подавали десертъ почти всегда домашняго приготовленія: разныхъ сортовъ варенья, пастилы, которыя тетя

Александра Павловна дѣлала превосходно, смоквы, яблоки свѣжіе и моченые, орѣхи—вареные въ меду, въ сахарѣ и просто каленые и свѣжіе, которые съ осени, самые крупные и зрѣлые насыпались въ особые кувшинчики и замазывались глиной и закапывались въ подвалѣ въ землю и вынутые изъ земли имѣли вкусъ совершенно свѣжихъ, только что сорванныхъ съ кустовъ орѣховъ. Нѣкоторые гости усаживались за карточные столы играли въ преферансъ, другіе мирно бесѣдовали. Прислуга тоже пировала; пріѣзжіе лакеи и горничныя послѣ обѣда также получали десертъ; тетя для этого нарочно варила медовое варенье. Имъ также давали каленыхъ орѣховъ, моченыхъ яблокъ и брусники.

Послѣ чая, часовъ въ 7-мь, начинались у насъ въ залѣ танцы и игры въ фанты. Марія Дмитріевна играла на нашемъ старомъ, разбитомъ роялѣ; танцовали подъ ея игру и подъ органъ, играли въ фанты, пѣли подблюдныя пѣсни, иногда приходили ряженые горничныя и лакеи, которые такъ хорошо плясали, что даже картежники бросали карты, чтобы посмотрѣть пляшущихъ. Послѣ обѣда наше общество увеличивалось пріѣздомъ священника и дьякона; они, пропѣвши тропарь празднику и сказавши многолѣтіе хозяевамъ, оставались у насъ уже какъ гости. Нашъ молодой и красивый дьяконъ Иванъ Петровичъ прекрасно распѣвалъ дуэты съ Маріей Дмитріевной, а подъ ея акомпаниментъ пѣвалъ и одинъ романсы по ея выбору. И такъ проходилъ вечеръ. Послѣ ужина ближайшіе гости, какъ, напримѣръ, изъ Клементьева, изъ Борокъ и, если бывали, изъ Кошелева, уѣзжали домой. Ихъ провожали съ фонарями, если ночь была темная. Остальные гости оставались ночевать и только на другой день послѣ обѣда разъѣзжались домой; у насъ оставалась гостить только одна тетя Варвара Ивановна, чему бывали очень рады. Она проживала у насъ иногда мѣсяцъ, а иногда и больше.

3 и 4-е января мы еще считали святками и проводили также какъ и первые дни, но съ наступлеіемъ 5-го января, все сразу измѣнялось—убирали и мыли домъ, мы до святой воды могли, если хотѣли, пить одинъ только чай безъ хлѣба, выпивши предварительно прошлогодней Богоявленской воды. Мы съ отцомъ пивали чай, но мать и тетя, а такъ же и тетя Варя никогда не пили чаю, и въ часъ дня всѣ отправлялись въ церковь.

Насъ также брали съ собой. Мы отстаивали обѣдню и водосвятіе, по окончаніи котораго весь народъ съ глиняными кувшинами стре-

мился къ кадкамъ съ освященной водой. Это бывала настоящая война и никто не могъ остановить этой давки другъ друга. Кувшины бились, вода проливалась. Намъ дьячки или дьяконъ приносили нашу посуду, наполненную водой и свѣчку „крещенскую“. Эта свѣчка горѣла все водосвятіе на паникадилѣ около чаши съ водой.

Свѣчу эту берегли въ домѣ. Пріѣхавши домой мы пили чай и это былъ нашъ обѣдъ; вмѣстѣ съ чаемъ всегда въ этотъ день у насъ бывалъ компотъ изъ сушеныхъ плодовъ и чернослива и кутья изъ рису.

Чай пили съ постной булкой и больше ничего не ѣли въ этотъ день. Вечеромъ, священникъ съ причтомъ служилъ всенощную, послѣ которой скоро уѣзжали домой, а мы всѣ, дѣти и большіе, ложились спать.

На утро Крещенья, мы всѣ отправлялись къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни былъ всегда крестный ходъ на Іордань, которая устраивалась на рѣчкѣ; спускаться къ этому мѣсту надо было съ очень крутой горы, рѣчка окружена была прелестнымъ небольшимъ сосновымъ лѣсомъ. Лѣтомъ этотъ лѣсъ былъ однимъ изъ любимыхъ мѣстъ нашихъ прогулокъ, въ немъ бывало много разныхъ грибовъ и на погостѣ, какъ въ семьѣ священника, такъ и въ семьѣ дьякона, насъ очень любили и всегда радушно принимали. Зимой же во время крещенскаго крестнаго хода, видъ этотъ мнѣ тоже очень нравился. При яркомъ зимнемъ солнцѣ лѣсокъ покрытый инеемъ блисталъ серебромъ и драгоцѣнными алмазами, золотыя хоругви, образа, священники въ праздничныхъ золотыхъ парчевыхъ ризахъ, толпы народа, все это запечатлѣлось въ моемъ дѣтскомъ воспоминаніи и мы съ большимъ благоговѣніемъ выстаивали всю службу водосвятія, несмотря иногда на очень сильные крещенскіе морозы. Разъ даже я обморозила на Крещенье щеку; отъ чего, помню, мнѣ ее мазали гусинымъ саломъ. Мы возвращались въ церковь, но многіе изъ народа, особенно тѣ, которые наряжались на святкахъ въ маски, что считалось грѣхомъ, оставались на Іорданѣ и купались въ ледяной водѣ. Я не помню ни одного случая, чтобы кто нибудь заболѣлъ послѣ такого купанья. Послѣ обѣдни вся наша семья съ тетей Варей, возвращалась домой, позавтракавши, также какъ и на Рождество и Новый Годъ вкуснымъ, обильнымъ деревенскимъ, жирнымъ завтракомъ, ложились отдыхать. Послѣ обѣда приходилъ священникъ съ причтомъ, со святой водой, кропили вездѣ: въ домѣ, въ ригѣ, на скотномъ дворѣ, въ амбарахъ, въ кухнѣ и людскихъ избахъ. Священникъ и дьяконъ оставались нашими гостями весь вечеръ, а дьячковъ

угощала наша прислуга въ дѣвичьей или прихожей, хотя закуски и кушанья имъ подавались тѣ-же, что и намъ, но послѣ закуски и водки они отправлялись домой.

6-го былъ послѣдній святочный вечеръ. Съ 7-го января наступали будни. Послѣ святокъ зимніе дни становились больше, наша семья чаще стала выѣзжать изъ дома къ ближайшимъ сосѣдямъ, выбирая для этого лунныя ночи. Въ Клементьево иногда брали и меня съ собой,—помню, какъ хорошо было ночью при лунѣ, прокатиться шесть верстъ, по прекрасной зимней дорогѣ,—кругомъ тихо, красота. Точно волшебная сказка, все какъ бы убрано серебромъ и драгоцѣнными камнями, особенно красива казалась наша старая усадьба, когда мы подъѣзжали къ ней, садъ освѣщенный луной съ его громадными деревьями покрытыми инеемъ, въ домѣ окна были освѣщены огнемъ, въ ожиданіи насъ.

Природа для насъ, выросшихъ въ деревнѣ, настоящая ласковая мать, она способна успокоить и утѣшить во всѣхъ горестяхъ и печаляхъ. Дѣтство проведенное въ деревнѣ, навсегда оставляетъ свое вліяніе на человѣка. Я отъ всего моего сердца желаю, чтобы мои дорогія дѣтки, для которыхъ я пишу эти записки, также любили наши мирныя поля и лѣса, какъ ихъ любила и я. И такъ, проходитъ январь, яркій, солнечный, морозный и наступаетъ февраль.

Несмотря на морозы и вьюги, въ воздухѣ уже чувствуется приближеніе весны. Нигдѣ, не бываетъ такъ замѣтно приближеніе ея, какъ въ деревнѣ. Яркій свѣтъ солнца, ослѣпительная бѣлизна снѣга, все уже не то, что было въ декабрѣ и январѣ. 3-го февраля я весело въ дѣтствѣ праздновала свои именины. Получала отъ отца копѣекъ 50 денегъ, размѣненныя на мелкія серебрянныя монеты, это были единственныя деньги, которыя я имѣла право тратить безотчетно, по своему усмотрѣнію, на рожденіе мнѣ отецъ тоже всегда дарилъ золотой въ 10 руб., но эти деньги у меня сейчасъ же отбирали и тетя ихъ сберегала въ особомъ старинномъ ящичкѣ, они впослѣдствіи были выданы, когда я съ матерью поѣхала въ Москву, передъ моей свадьбой дѣлать „приданое". Потомъ отецъ, мать и тетя дарили мнѣ разныя лакомства, я всегда получала деревянную створчатую коробочку конфектъ; въ ней были разныя фигурки изъ сахара или покупныя конфекты съ картинками, вкусъ этихъ конфектъ ничѣмъ не отличался отъ простого, да еще плохого сахара. Кромѣ этого я получала палочку

шоколада. Тетя Соня приносила кусокъ сырого тѣста изъ котораго я могла мѣсить, что хотѣла сама для себя съ сестрой Настей. Шоколадъ тоже позволялось варить самой въ комнатной печкѣ съ помощью Алефтины и, такъ какъ въ этотъ день были имянинницы и мои куклы, то изъ тѣста приготовляла множество маленькихъ пышечекъ, хлѣбовъ и разныхъ фигурокъ, все это тоже пеклось въ нашей комнатной печкѣ и пиръ выходилъ на славу.

Участіе въ угощеніи кромѣ насъ съ сестрой принимали и наши молоденькія горничныя, а лакомства и конфекты я раздавала моимъ деревенскимъ пріятелямъ ребятишкамъ. Съ половины февраля, во время моихъ прогулокъ, я почти не разставалась съ садовникомъ нашимъ старикомъ Виссаріономъ,—начинали набивать парники навозомъ въ ящикахъ, въ избѣ онъ уже начиналъ сажать на пробу сѣмена арбузовъ, дынь, тыквъ и огурцовъ.

Въ домѣ послѣ половины февраля тоже прекращалась зимняя работа. Горничныя убирали свои самопрялки, гребни, донцы, намыки льна. Въ ткацкой избѣ становили станы и ткачъ Герасимъ начиналъ ткать изъ пряжи наготовленной зимой горничными, полотна, гирныя скатерти, салфетки и полотенца, а горничныя, кто готовилъ подушки для плетенія кружевъ, наматывали на тоненькія коклюшки тончайшія нитки. Тетя съ Аксиньюшкой составляли рисунки для кружевныхъ работъ.

Мать моя приказывала вносить свои пяльцы; въ нихъ вплнвали очень туго мельчайшую канву и она принималась за работу своихъ чудныхъ картинъ, вышиваемыхъ шерстями. Въ этой работѣ она была настоящая художница, въ то время во всѣхъ почти деревенскихъ помѣщичьихъ домахъ были вышитыя картины, но лучше и мельче картинъ моей матери я ни у кого не видала.

Мы съ сестрой очень радовались когда мать начинала перебирать свои шерсти въ шифоньеркѣ, два ящика въ которой были биткомъ набиты разными шерстями и шелками всевозможныхъ цвѣтовъ и каждый цвѣтъ былъ подобранъ по тѣнямъ, начиная отъ самаго темнаго, почти чернаго, и кончая свѣтлымъ почти бѣлымъ; многіе сорта, оставались лишними, ненужными и мать ихъ отдавала намъ и мы тоже начинали вышивать разныя вещи по папье поке, которую намъ покупали разныхъ цвѣтовъ. Вышивали закладки для книгъ, картинки для

портъ-летръ, въ подарки роднымъ и знакомымъ. Вязали разные коврики, поддонники подъ лампы и подсвѣчники и т. д. Въ февралѣ же почти всегда была и масляннница, и передъ ней кромѣ естественныхъ нашихъ горъ, съ которыхъ мы на ледянкахъ всю зиму катались съ ребятишками, подъ покровительствомъ нашей няни, намъ дѣлали большую ледяную гору. Наши люди ѣздили въ зарѣчныя села, Дѣдново, Бѣломутъ и Ловцы за рыбой и гречневой мукой на блины; всегда оттуда привозили намъ хорошенькія лубочныя салазки, въ видѣ маленькихъ санокъ. Въ нихъ мы катались съ нашей новой дѣланной горы. Съ понедѣльника масляницы намъ и всей дворнѣ пекли блины,—мясо какъ съ нашего стола, такъ и со стола прислуги изгонялось, никто его не ѣлъ въ нашей усадьбѣ до Пасхи. Со среды масляницы и прислугѣ давали лошадей для катанья на дровняхъ или въ большихъ пошевняхъ. Въ четвергъ къ намъ на блины съѣзжались сосѣди. Забота о блинахъ занимала весь домъ. Боялись какъ бы Тихонъ поваръ не напился въ четвергъ, совѣтовались въ случаѣ если Тихонъ будетъ не въ состояніи печь блины, кто его замѣнитъ и, кажется, это всегда приходилось дѣлать тетѣ Сашѣ, нашей домашней булочницѣ, и замѣна ею Тихона всегда была удачна. Въ пятницу наши ѣздили на блины въ Либаво или Клементьево, а въ субботу всегда были торжественные блины въ Боркахъ у Мельгуновыхъ, куда иногда брали и насъ. Семья Мельгуновыхъ была какая-то необыкновенная, льстивая, вѣжливая до приторности, всѣ братья, ихъ было трое, постоянно кланялись и въ чемъ то все извинялись, это меня въ дѣтствѣ очень забавляло, но барышни были всѣ премилыя, веселыя, умныя. Особенно близко мнѣ пришлось сойтись съ Иваномъ Ивановичемъ Мельгуновымъ и его сестрой Анной Ивановной, но о нихъ мнѣ придется, вѣроятно, сказать дальше въ моихъ запискахъ, а потому перехожу опять къ описанію масляницы, какъ она проходила у насъ въ деревняхъ во время моего дѣтства.

Наконецъ наступалъ послѣдній день масляннницы „прощенное воскресеніе". Чего, чего только не пеклось и не варилось въ этотъ день, бывали блины всѣхъ сортовъ, разныя печенья на маслѣ и яицахъ, рыбы съ разными приправами и соусами. Этотъ день всѣ наши родные и знакомые обязательно проводили дома въ своей семьѣ.

Дворня въ этотъ день тоже праздновала, имъ выдавалась обильная провизія и водка. Нашъ садовникъ, старикъ Виссаріонъ вообще сосредоточенный и мрачный, совершенно преображался въ этотъ день.

Часа въ два запрягались двое или трое дровней, на однихъ вмѣсто постельника ставили кадушку или бочку и на нее становился Виссаріонъ Родіоновичъ, наряженный въ мантію сшитую изъ рогожи и шапку также украшенную мочальными перьями. Онъ ѣхалъ впереди, сзади ѣхали другія сани съ нашей дворней, набитые биткомъ народомъ, въ этихъ саняхъ пѣли пѣсни, играли на гармоніяхъ. Этотъ поѣздъ объѣзжалъ всю деревню, къ нимъ присоединялись другіе ряженые съ деревни на своихъ саняхъ; ѣздили съ пѣснями по другимъ деревнямъ, гдѣ тоже присоединялись къ нимъ катающіеся и ряженые и подъ предводительствомъ нашего Виссаріона образовывалась громадный поѣздъ. Катанье это, называвшееся проводами масляницы, съ пѣснями продолжалось до сумерекъ. Вечеромъ часовъ въ 7-мь наша зала наполнялась народомъ, приходили всѣ крестьяне домохозяева „прощаться". Каждый крестьянинъ имѣлъ въ рукахъ узелокъ съ разными приношеніями, въ видѣ баранокъ, длинныхъ бѣлыхъ хлѣбовъ изъ подрукавной муки, намъ дѣтямъ приносили иногда пряники—коврижки очень темныя и очень пахнувшія медомъ. Отецъ, мать, тетя и мы выходили къ крестьянамъ въ залу, со всѣми цѣловались, желали другъ другу хорошо провести постъ и въ радости встрѣтить день Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Приношенія складывались въ большую корзину; а крестьянъ угощали водкой и нарѣзанной кусочками соленой рыбой.

Въ воскресенье, приходили прощаться только карцевскіе крестьяне; подосиновскіе и борисловскіе пріѣзжали въ субботу, но тѣ собирались не всѣ вмѣстѣ и ихъ принимали въ дѣвичей, отъ нихъ также принимались хлѣбы, баранки и т. д. и угощали виномъ и рыбой.

По уходѣ крестьянъ залу затворяли, плотно, такъ какъ она была полна запаха овчинныхъ шубъ и грязи.

Намъ вскорѣ послѣ этого подавали ужинъ въ столовой.

Послѣдній скоромный ужинъ начинался блинами, которые называли „тужики", кромѣ блиновъ подавались горячая уха, рыба подъ соусомъ и жареная, все это оставалось въ изобиліи и отправлялось въ дѣвичью, гдѣ и съѣдалось частью самими горничными и лакеями, а частью ими отправлялось въ людскую дворовымъ людямъ. Послѣ ужина подавался самоваръ съ разными сдобными печеньями и пили послѣдній чай со сливками до котораго всѣ, кромѣ отца, были большіе охотники. Эта послѣдняя трапеза называлась „заговѣнье"; послѣ чая всѣ тор-

жественно прощались другъ съ другомъ, при желаніи хорошо провести постъ и въ радости дождаться Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Съ грустью бывало идешь на верхъ съ мыслью, что масляница веселая, шумная кончилась и наступаютъ будни.

Утро „чистаго понедѣльника" помню было для насъ самымъ печальнымъ пробужденіемъ.

Входитъ бывало няня, приноситъ будничныя платьица, простые черные коленкоровые передники и говоритъ такъ: „вставайте, вставайте дѣти скорѣе, проздравляю васъ, заговѣвшись на хрѣнъ да на рѣдьку, да на бѣлую капусту;—идите скорѣе пить чай, да и за уроки, пора приниматься".

Скучное это утро бывало. У всѣхъ какія то постныя лица. Чай всѣ пили съ медомъ, намъ давали баранки и хлѣбъ принесенные крестьянами, что было послѣ обильной масляницы не вкусно. Послѣ чая мы дѣти садились за уроки; а внизу подымалась страшная возня, бабы мыли полы, прислуга убирала и чистила посуду, шкафы, изъ которыхъ изгонялось все, что могло напоминать скоромную ѣду. Изъ окна нашей комнаты видѣнъ былъ дымъ изъ трубы бани, которая также всегда топилась въ этотъ день.

Послѣ класса мы занимались уборкой нашихъ куколъ, имъ мы то же старались придать самый будничный видъ. Все нарядное прятали и наряжали ихъ во все старое, на всю первую недѣлю поста.

У насъ няня отбирала на эту недѣлю карты; а гармоники у насъ прятали куда-то на весь постъ, а также и пѣсенники. Лото и карты намъ по прошестіи первой недѣли возвращали обратно. Въ часъ насъ съ верху звали обѣдать. За обѣдомъ подавали вареный горохъ или какую нибудь кашицу безъ масла. Эту недѣлю до субботы у насъ за столомъ даже постнаго масла не подавали.

Потомъ подавали соленые грибы и компотъ изъ своихъ сушеныхъ яблокъ и ягодъ. Все было невкусно. Ѣсть этой стряпни не хотѣлось, но отказываться мы не смѣли, и должны были ѣсть, что намъ давали.

Послѣ обѣда горничныя и тетя принимались рѣзать ломтями, принесенный крестьянами хлѣбъ, ихъ на большихъ желѣзныхъ листахъ

сушили въ печахъ, складывали въ ящики, и мы эти сухари очень любили, и ѣли ихъ почти весь постъ съ чаемъ.

Послѣ обѣда мы уходили гулять и здѣсь все мое постное грустное настроеніе проходило. Во время веселой шумной масляницы на погоду я какъ то мало обращала вниманія, но теперь я вся отдавалась моимъ наблюденіямъ и всегда сердце мое наполнялось радостью, чувствуя, что приближается весна чудная свѣтлая, радостная.

Нигдѣ ея приближеніе не бываетъ такъ замѣтно какъ въ деревнѣ и нигдѣ она не приноситъ столько радости какъ здѣсь. Большое счастье тому, кто раннее дѣтство провелъ въ деревнѣ, нигдѣ какъ въ деревнѣ не научается человѣкъ любить природу всѣмъ своимъ сердцемъ и эта любовь къ матери-природѣ остается у человѣка на всю жизнь.

Въ концѣ февраля и началѣ марта все уже стало не то, что было зимой,—яркій свѣтъ слѣпитъ глаза, среди дня на солнышкѣ таетъ, всѣ соломенныя крыши обвѣшаны, какъ бахрамой ледяными сосульками. Зайдешь бывало въ садъ къ Виссаріону и тамъ много новаго. Парники уже совсѣмъ готовы и въ нихъ уже насажены огурцы, арбузы, дыни и тыквы. Съ какой любовью старикъ Виссаріонъ занимался этимъ дѣломъ; онъ очень любилъ разсказывать намъ, какъ растетъ и развивается каждое изъ посаженныхъ имъ зернышекъ. Отъ Виссаріона пройдемъ на скотный дворъ, тамъ уже множество прелестныхъ ягнятокъ, на которыхъ мы всегда любовались. На птичьемъ дворѣ тоже много перемѣнъ: утки, гуси, индѣйки и куры начали уже нестись. Намъ показываютъ ихъ яйца. У насъ съ сестрой было по одной собственной курицѣ. Яица отъ этихъ куръ приносили намъ и мы собирали ихъ въ свои корзиночки. Нагулявшись до сыта придешь домой, а тамъ все уже чисто вымыто и полъ и цвѣты, которые тоже смотрятъ по вешнему, сочно, весело, даютъ новые побѣги. Все это стало замѣтно послѣ того какъ ихъ отмыли отъ зимней пыли. Вообще все, какъ на воздухѣ такъ и въ домѣ становилось свѣтлѣе, веселѣе; все выглядывало уже иначе чѣмъ зимой. Всегда это становилось особенно замѣтно съ наступленіемъ поста. Всю первую недѣлю все имѣло самый строгій видъ. За обѣдомъ не подавали даже постнаго масла, а только всѣ кушанья приправлялись маковымъ молокомъ и каждый день подавался компотъ изъ сухихъ плодовъ, заготовляемыхъ лѣтомъ на всю зиму. Помню разъ на первой недѣлѣ поста пріѣхалъ къ намъ изъ Клементьева нашъ дальній родственникъ Александръ Владиміровичъ Рудневъ, крестный моей тети Александры Павловны, котораго она

очень любила и уважала за его ученость (онъ жилъ въ Москвѣ и служилъ въ университетѣ), онъ былъ нервный и страшно мнительный; мнительность его доходила почти до сумашествія.

И вотъ его на первой недѣлѣ пришлось угостить обѣдомъ; по его желанію ему сварили манную кашку на парномъ молокѣ. Я помню какой это переполохъ произвело во всей нашей женской прислугѣ; а мы дѣти смотрѣли на него какъ на идолопоклонника. Но вотъ первая недѣля кончилась. На первой въ субботу пекли постные блины, подавали разные постные масла, орѣховое, любимое моей матери, маковое и свое ярко-зеленое конопляное. Къ блинамъ также подавали творогъ, сдѣланный изъ густого маковаго молока, которое при кипяченіи съ солью и небольшимъ количествомъ лука ссаживалось въ крутую массу какъ настоящій творогъ. Послѣ цѣлой недѣли сухоядѣнія столъ съ масломъ намъ казался ужъ очень вкуснымъ.

Въ воскресенье послѣ обѣдни намъ возвращали наши веселыя книги съ пѣснями и стихами, отдавали карты, спрятанныя на всю недѣлю въ столы, и мы могли опять играть въ куклы и карты, бѣгать, и т. д. Обѣды изобиловали множествомъ постныхъ блюдъ, пирогами съ разными начинками и сладкимъ съ вареньемъ, яблоками. А весна уже совсѣмъ начинаетъ вступать въ свои права. Вотъ, бывало, выйдешь на крыльцо, на солнышко, въ воздухѣ новые птичьи голоса, бѣгутъ друзья ребятишки съ радостной вѣстью „грачи прилетѣли". Сколько радости слышалось въ этихъ словахъ, спѣшишь въ домъ, хочется поскорѣе своимъ сообщить эту радостную вѣсть, и опять бѣжишь на дворъ, хочется самой посмотрѣть виновниковъ нашей радости.

Грачей вездѣ цѣлыя стаи и на деревьяхъ и на дорогѣ,—всѣ худые, безобразные, съ громадными бѣлыми носами. Я очень любила разсказывать моимъ пріятелямъ ребятишкамъ о томъ, какъ далеко приходилось грачамъ летѣть, чтобы попасть къ намъ.

Старалась какъ можно страшнѣе изобразить ихъ путешествіе въ наши края, чтобы этимъ описаніемъ возбудить расположеніе моихъ маленькихъ друзей къ этимъ безобразнымъ заморенымъ птицамъ. 9-го марта на „сѳроки" (какъ называли этотъ день), пекли изъ тѣста жаворонковъ. Тѣсто приготовлялось прѣсное въ родѣ слоенаго, часто, при урожаѣ орѣховъ, на орѣховомъ маслѣ. Мать сама ихъ дѣлала изъ заранѣе приготовленнаго для этого тѣста. Дѣлала она это печенье очень

искусно. Въ срединѣ сидѣла птичка съ черненькими глазками изъ коринки, а кругомъ она была окружена завитушками изъ тѣста, которыя должны были изображать волны, по которымъ къ намъ плывутъ жаворонки и другія птицы. Около половины марта, бывало, идешь утромъ рано по насту снѣга, который сравнялъ всѣ овраги, и вездѣ можно идти не боясь проваловъ, и слышишь, что въ полѣ уже заливается жаворонокъ; сколько радости приносила намъ его первая пѣсня. Еще прошло дня два и около нашихъ скворешницъ, которыхъ у насъ всегда бывало множество на всѣхъ почти большихъ деревьяхъ въ саду и усадьбѣ, порхаетъ уже множество скворцовъ, суетятся, очищаютъ свои скворешницы. Прошло много лѣтъ съ моего счастливаго дѣтства, я уже давно старуха, но и теперь всегда съ особеннымъ чувствомъ удовольствія встрѣчаю нашихъ милыхъ скворчиковъ и радуюсь, что имъ хорошо и уютно въ моемъ старомъ саду около нашего балкона. Великій постъ шелъ, недѣля за недѣлей,—наступала четвертая недѣля поста. Въ среду на этой недѣлѣ пекли кресты изъ такого же тѣста, какъ 9-го марта пекли жаворонковъ и за обѣдомъ у насъ спрашивали, не слыхали ли мы, какъ треснулъ и переломился постъ пополамъ? Всѣ радовались что наступаетъ вторая половина поста, что ближе приближаемся къ Пасхѣ. На пятой, а чаще на шестой вся наша семья говѣла. Весь домъ въ эту недѣлю принималъ совсѣмъ особый видъ. Въ залѣ, въ углу передъ образомъ ставили столъ, на который приносили еще образа, клали свѣчи, передъ образами ставились стеклянные подсвѣчники съ восковыми свѣчами; на этомъ же столѣ лежали священныя книги нужныя для богослуженія, а также риза и стихарь (все это было у насъ собственное, а не церковное), тутъ же на стулѣ висѣло кадило и намъ казалось, что зала стала чѣмъ то въ родѣ храма. Мы по ней почти не ходили, а если и проходили, то всегда тихо, смирно и говорили полушепотомъ. Вся зала, прихожая устилались половиками и въ понедѣльникъ въ семь часовъ утра пріѣзжалъ священникъ, дьяконъ и два дьячка; приходилъ народъ желающій говѣть и вся зала и прихожая наполнялась имъ, какъ въ церкви. Начиналась великопостная служба. Мы стояли всей семьей въ дверяхъ гостинной. Сначала шла заутреня,—очень долго, какъ мнѣ казалось.

Послѣ заутрени мы и священникъ съ дьякономъ отправлялись пить чай въ столовую, дверь изъ которой на эту недѣлю въ залу была плотно закрыта и мы въ нее ходили черезъ гостинную. Часовъ въ 10 или 11 опять начиналась служба, служили великопостные часы, съ поклонами. По окончаніи часовъ священникъ съ причтомъ уѣзжалъ домой. Мы часа въ два обѣдали, столъ въ эту недѣлю былъ

самый строго-постный,—масла постнаго не подавалось. Послѣ обѣда насъ отпускали гулять и тутъ наше тихое религіозное настроеніе пропадало. Кругомъ все было такъ весело, такъ полно жизни. Снѣгъ таялъ, бѣжали ручейки, скворцы весело хлопотали около своихъ гнѣздъ.

Возьмемъ бывало свои лопатки и пропускаемъ воду; посмотримъ, что дѣлаетъ Виссаріонъ въ своемъ парникѣ; но вотъ видимъ опять ѣдутъ священники и идутъ говѣльщики къ вечернѣ. Вечерню, мы дѣти очень любили, такъ какъ служба была непродолжительна, и по окончаніи вечерни священникъ насъ всѣхъ клалъ ничкомъ на полъ и читалъ надъ нами отпускную молитву. Послѣ вечерни народъ расходился. Опять чай въ столовой съ медомъ и вареньями и постными сухарями въ обществѣ священника и дьякона. Такъ шла цѣлая недѣля, до пятницы, только въ среду послѣ заутрени въ домѣ, мы ѣздили къ обѣднѣ въ церковь. Въ четвергъ на этой недѣлѣ бывала баня, часто съ большимъ трудомъ проходили туда по снѣгу, который проваливался подъ ногами,—вода рѣчки достигала часто до самыхъ стѣнъ бани. Всѣ эти перемѣны въ природѣ меня радовали, все это напоминало близость долгожданной весны. Наступала пятница, послѣдній день говѣнья.

Утро послѣ заутрени мы проводили въ церкви у обѣдни, настроеніе у всѣхъ въ этотъ день было особенно торжественное, тихое, молитвенное. Я, какъ себя помню, всегда этотъ день чувствовала совсѣмъ не такъ, какъ всегда: чего то боялась, мнѣ казалось, что я такая грѣшница, что не дождусь завтрашняго дня. Вечеромъ послѣ вечерни читались „правила вечернія". Потомъ мы дѣти исповѣдывались у о. Петра.

Родителей моихъ и тетю пріѣзжалъ исповѣдывать ихъ старинный духовникъ о. Алексѣй изъ села Струпны подъ Зарайскомъ, раньше онъ былъ священникомъ на нашемъ погостѣ. За нимъ посылали лошадь и послѣ исповѣди отвозили обратно, что по дурной дорогѣ было очень затруднительно.

Я всегда шла исповѣдываться съ полнымъ желаніемъ разсказать всѣ мои грѣхи и сомнѣнія. Но подходя исповѣдываться, страшно робѣла и у меня исчезало изъ памяти, все что думала раньше, и я, хотя отходила отъ нашего батюшки умиленная его отпускной молитвой, но недовольная и неудовлетворенная моимъ раскаяніемъ.

Послѣ правилъ и исповѣди намъ ѣсть уже ничего не давали и даже не позволяли пить воды. Ночь эту я всегда почти не спала, мнѣ все казалось, что, что нибудь случится и я не попаду утромъ въ церковь. Наконецъ, наступалъ разсвѣтъ субботы, всѣ поднимались надѣвали лучшіе наряды и насъ одѣвали въ новыя только что сшитыя лѣтнія платья всегда очень свѣтлыя,—розовыя или голубыя. Одѣвшись, усаживались въ разныя сани, я всегда ѣздила съ тетей въ маленькихъ пошевняхъ. Дорога по большей части во время нашего говѣнья была очень плохая, въ лощинахъ уже была вода и моя тетя, страшная трусиха, все время молилась и охала. Наконецъ, добирались до погоста. Какъ только мы пріѣзжали начиналась заутреня, потомъ намъ всѣмъ говѣльщикамъ читали утреннія правила. Послѣ правилъ начиналась сейчасъ же обѣдня. Когда пѣли причастный стихъ, насъ раздѣвали, не смотря на то, что церковь была холодная,—никогда зимой не топилась.

Помню то радостно-страшное настроеніе въ ожиданіи выхода священника съ Святыми Дарами. Съ какимъ чувствомъ вѣры, я помню, слушались мною молитвы передъ причастіемъ, которыя мы повторяли за священникомъ. И вотъ, сначала первой подходитъ сестра Настя, а потомъ и я причащаюсь и иду запивать Святые Дары. Со всѣхъ сторонъ слышатся поздравленія, поцѣлуи;—такъ хорошо—радостно, весело никогда не бываетъ,—какъ-то особенно хорошо. Подходитъ къ намъ отецъ, мать и тетя, тоже пріобщившіеся, радостные, съ такими праздничными добрыми лицами. По возвращеніи домой мы находимъ домъ убраннымъ, вымытымъ принявшимъ опять свой обыкновенный видъ. Насъ въ столовой уже ожидаетъ самоваръ и завтракъ и, такъ какъ большею частью говѣли на 6-й недѣлѣ, то завтракъ былъ рыбный, это была Лазарева Суббота, мы всѣ кромѣ матери ѣли рыбу, она же разрѣшала себѣ этотъ день только икру и пирогъ съ рыбными молоками.

Послѣ завтрака всѣ ложились спать. Насъ раздѣвали и также укладывали отдыхать, но намъ не спалось и мы, полежавши немного, опять одѣвались и бѣжали гулять; чему, кажется, всѣ были рады, такъ какъ мы не шумѣли въ домѣ, гдѣ всѣ отдыхали.

Такъ бывало весело,—всюду поютъ птицы, бѣгутъ ручьи, часто въ это время разливалась уже рѣчка. Полая вода всегда очень красива въ нашихъ мѣстахъ. Смотрѣть на разливъ воды было для насъ постоянное наслажденіе; съ горъ съ шумомъ бѣгутъ ручьи, а наша скромная рѣчка превращалась въ громадную бушующую рѣку.

Вода и всегда заливала низъ сада, а иногда заливала и сносила мостъ.

Нагулявшись до сыта, возвращались домой, гдѣ уже шли приготовленія ко всенощной подъ Вербное Воскресеніе. Приносили большую кадку, въ которую клали нарѣзанные сучья красной вербы, которые иногда были покрыты бѣлыми пушистыми шариками и иногда эти почки уже бывали покрыты желтымъ цвѣтомъ, смотря по погодѣ. Часовъ въ 6-ть, приходилъ священникъ съ причтомъ и мы во время всенощной получали вербочки съ горящими, прикрѣпленными къ нимъ свѣчами. Вербочки послѣ всенощной закладывали мы около кроватокъ. Няня вечеромъ уложивши насъ спать, шутя вынимала наши вербочки и постегивая насъ приговаривала: верба хлестъ!—бей до слезъ,—а моей дѣткѣ на доброе здоровье. Праздникъ Вербнаго Воскресенія, былъ для насъ веселымъ праздникомъ.

На бугрѣ показывались проталинки, и мы въ большихъ простыхъ кожанныхъ на ранту сапогахъ, проходили по мосту на другую сторону рѣчки, смотрѣли на разливъ, иногда въ это время шла икра и скипѣвшійся снѣгъ; вся деревня, и мужики, и бабы, и дѣти, стояли подъ берегомъ, любовались на разливъ и радовались, что суровая зима миновала; насмотрѣвшись на воду мы, съ деревенскими ребятишками шли на проталинки на выгонъ и играли въ разныя игры: въ горѣлки, въ рѣпку, въ разбойники и т. д. Набѣгавшись до сыта и насмотрѣвшись на воду, бѣжавшую повсюду ручьями, добирались до дому въ нашихъ высокихъ непромокаемыхъ сапогахъ, слушали, крикъ грачей, которые въ началѣ какъ вѣстники весны всегда насъ радовали, а потомъ страшно надоѣдали.

Въ палисадникѣ передъ домомъ наблюдали скворушекъ, которые къ вечеру всегда собирались къ своимъ скворешнямъ и весело распѣвали.

Придя домой еще за-свѣтло насъ усаживали ужинать и пить чай. Остатки ужина, который былъ всегда обильный, рыбный, отправляли въ людскую и дѣвичью, гдѣ, конечно, все это доѣдалось съ удовольствіемъ.

Наконецъ, наступала Страстная недѣля, послѣдняя недѣля поста. Постъ въ эту недѣлю былъ самый строгій, къ обѣду также, какъ и на первой недѣлу не подавали даже постнаго масла. И какъ бы ни была

плоха дорога, моя мать и отецъ каждый день ѣдили въ церковь. Такъ продолжалось до четверга. Въ этотъ день, который считался самымъ постнымъ днемъ въ году, насъ будили до солнышка, это дѣлала наша няня по своей собственной волѣ, она въ этотъ день еще раньше чѣмъ разбудить насъ, напрядала изъ льна нитки, которыми опоясывала насъ съ сестрой и свою дочку Алефтину; это она дѣлала для нашего здоровья, и такъ же рано, до солнца, въ этотъ день топили печи, послѣ топки въ печи клали мѣшечекъ съ солью на сковороду и эту соль сбирали вмѣстѣ съ золой и этой смѣсью посыпали скотъ, тоже для здоровья. Въ этотъ день били, тоже до солнца, теленка къ Пасхѣ и свинью, а также и куръ, однимъ словомъ все, что нужно было къ празднику. Послѣ великаго четверга уже ничего не убивали, считая это грѣхомъ. Въ этотъ день у насъ всегда бывала баня. Мать страшно хлопотала въ этотъ день, пробовала горшки съ творогомъ, сдѣланнымъ изъ цѣльнаго молока и лучшій свѣжій творогъ приказывала класть подъ пресъ на пасхи. Съ этого дня заготовлялось масса сметаны, сливокъ на предстоящую стряпню различныхъ пасхъ и куличей.

Мы тоже хлопотали, набирая разныхъ шелковыхъ лоскутковъ для краски яицъ. Няня разваривала на пробу сандалъ, который покупали въ Зарайскѣ заранѣе. Изъ Коломны, приходили на праздники наши дворовые, жившіе, тамъ, какъ мастеровые и платившіе намъ оброкъ, и приносили также разныя яркія краски. Всѣ эти приготовленія начинались съ четверга. Наступала великая пятница—самый непріятный день въ году. Приходило масса бабъ, весь домъ становился какъ говорятъ „вверхъ дномъ“, мыли, чистили, убирали всѣ закоулочки, всѣ полочки, чистили образа, посуду. Насъ изгоняли на цѣлый день изъ дома, если была сносная погода, а при дурной затворяли въ какую нибудь одну комнату. Въ домѣ въ этотъ день выставляли нѣсколько оконъ; а если Пасха была поздняя, то выставляли всѣ окна и балконныя двери. Рано утромъ, часа въ три на зарѣ наши уѣзжали въ церковь, къ 12-ти Евангеліямъ; ели можно было безъ опасности проѣхать, то и меня брали въ церковь, покупали очень большую свѣчку, съ которой стояла я всѣ три заутрени, если бывала въ церкви, т.е. пятницу, субботу и Свѣтлое Христово Воскресеніе. Нашъ священникъ о. Петръ прекрасно читалъ Евангелія страстей Христа; я помню эту заутреню и то чувство любви и страданій за Христа которые наполняли мое дѣтское сердечко; никогда уже послѣ, я съ такимъ чувствомъ не страдала за Христа, какъ въ эти дѣтскіе годы, пока я еще никакой другой жизни кромѣ жизни въ деревнѣ не знала.

Мнѣ казалось, что я сама нахожусь въ Іерусалимѣ на Голгофѣ и страдаю вмѣстѣ съ учениками Христа.

По пріѣздѣ домой, конечно религіозное впечатлѣніе смягчалось, меня укладывали спать, но я никогда не спала, такъ какъ возня въ домѣ съ уборкой, не давала покою. Ѣсть намъ въ этотъ день до вечерни ничего не давали съ 10 или 12-ти лѣтъ, а раньше намъ давали просфоры съ святой водой.

Въ два часа дня отправлялись къ вечерни гдѣ всѣ ждали выноса плащаницы. Послѣ вечерни по возвращеніи домой насъ вводили въ столовую уже убранную и чистую; приносили черный хлѣбъ, соль и квасъ; другой пищи въ этотъ день никто не ѣлъ. Спать всѣ ложились рано, засвѣтло. А часа въ два ночи отправлялись въ церковь къ заутрени. Я помню чувство тихой печали наполнявшее всѣхъ въ это утро, всѣ стояли со свѣчами, слушали печальное пѣніе и въ концѣ заутрени отецъ мой и крестьяне, поднимали плащаницу и съ священникомъ, причтомъ и народомъ обносили ее около церкви, мы также участвовали въ этой процессіи, старались, чтобы свѣчи горѣли и не погасли до возвращенія въ храмъ.

Наступало чудное весеннее утро и грустное чувство навѣянное погребеніемъ Христа замѣнялось ожиданіемъ чего то радостнаго, веселаго, полнаго свѣта и жизни, какъ вся ликующая весенняя природа. По возвращеніи домой всѣ кромѣ матери садились пить чай, который казался особенно вкуснымъ послѣ голодной пятницы. Послѣ начинались приготовленія къ Пасхѣ, хлопотали съ куличами, мать помню всегда страшно волновалась съ ихъ приготовленіемъ. Намъ также давали тѣста и мы въ маленькихъ кастрюляхъ дѣлали себѣ куличики. Пасхи приготовлялись разныхъ сортовъ. Дѣлали одну пасху изъ сливокъ, сливочнаго творогу, свѣжихъ яицъ и сливочнаго масла; прибавляли большое количество толченой просѣянной корицы и сахару, это выходило, что то вродѣ жирнаго крема. Это была любимая пасха матери. Вторая пасха приготовлялась изъ равнаго количества сливокъ, сметаны, которые вмѣстѣ варили въ вольномъ духу, въ эту смѣсь прибавляли небольшое количество творогу, ставили подъ прессъ, послѣ клали въ эту массу сахаръ, ваниль и цедру. Это была любимая пасха насъ, дѣтей, тети и нашихъ гувернантокъ. Отецъ же этихъ пасохъ никогда не ѣлъ, а ему приготовляли людскую, сдѣланную для дворни, изъ творога, сметаны, яицъ и соли.

Часовъ въ одиннадцать утра мать уѣзжала къ обѣднѣ, а мы съ тетей начинали красить яицы. Няня затапливала печку въ домѣ, приносили огромныя корзины полныя яицъ, большіе горшки съ сандаломъ и красками, кипятили въ печкѣ, а мы непремѣнно требовали, чтобы намъ поставили кострюли съ кипяткомъ для нашихъ яицъ обернутыхъ въ пестрые шелковые лоскутки, луковыя перья и синюю сахарную бумагу. Суеты и веселью не было конца,—матери не было дома и намъ была своя воля. Мы страшно мѣшали нянѣ и тетѣ, но ихъ воркотня на насъ мало дѣйствовала. Наконецъ, вынимаютъ первый горшокъ съ тетиными красными яицами изъ сандала. Вторыя черно-красныя изъ Коломенской краски и наши хорошенькія пестренькія изъ лоскутковъ и бумаги. Наполняются цѣлыя корзины крашенныхъ яицъ.

Приносятъ изъ кухни громадные, чудные куличи, которые, такъ вкусно заманчиво пахнутъ, на верху которыхъ торчатъ цѣлыя миндалины, румяныя, поджаренныя.

Приносятъ много и другихъ вкусныхъ вещей изъ кухни—въ видѣ окороковъ, телятины, фаршированнаго поросенка, баранчика сдѣланнаго Тихономъ изъ сливочнаго масла.

Мы забирали свои маленькіе куличики, яйца, и отправлялись въ свои комнаты устраивать пасхальные столы нашимъ кукламъ. Помню, бывало, Тихонъ поваръ, который очень любилъ побаловать и подразнить насъ, когда спросишь у него:—„а что же наши куличики, гдѣ они?“—скажетъ, „ну съ вашими куличами вышла бѣда—всѣ сгорѣли“. Мы притворяемся, что вѣримъ ему, а сами знаемъ, что онъ обманываетъ насъ.

Потомъ онъ вынимаетъ блюдо, на которомъ стоятъ наши куличики, и непремѣнно какой нибудь сюрпризъ, лично имъ приготовленный для насъ въ видѣ безе или маленькихъ бисквитовъ и т. д. Часа въ два пріѣзжаетъ мать отъ обѣдни, пьетъ чай и мы садимся за обѣдъ, послѣдній постный столъ. Послѣ вкусныхъ запаховъ скоромныхъ блюдъ, намъ постное противно, мы почти ничего не ѣдимъ, и насъ за это бранятъ.

Наконецъ, наступаетъ давно ожидаемый вечеръ Великой Субботы. Все готово для встрѣчи Пасхи. Мы дѣти съ тетей ѣдемъ, какъ бы не была плоха погода, еще засвѣтло на погостъ. Тамъ всѣ помѣщики, проводили эту ночь у нашего дьякона, который приглашалъ насъ съ

радостью и радушіемъ. На столѣ всю ночь кипѣлъ самоваръ и семья дьякона угощала всѣхъ чаемъ, со свѣжимъ мягкимъ черным хлѣбомъ. Тамъ же бывали сосѣди изъ Леонтьева, Костенковы, мать съ сыномъ Сашей, Сидоровы съ сыномъ Васей, моимъ родственникомъ, воспитанникомъ дворянскаго Рязанскаго гимназическаго пансіона. Изъ Карцева тоже на ночь пріѣзжали Масловы, наша ближайшая сосѣдка Екатерина Осиповна, вдова, старушка, съ дочерью Анной Емельяновной, которую мы всѣ очень любили. Часовъ въ одиннадцать пріѣзжали мать съ отцомъ. Отецъ мой всегда былъ церковнымъ старостой и прямо отправлялся въ церковь, а мы, дѣти, шли туда же за нимъ. Всю ночь церковь была открыта и грамотные посреди церкви читали Дѣянія Св. Апостоловъ. Церковь была едва освѣщена лампадами. На полу въ углахъ и около стѣнъ, группами сидѣлъ народъ съ узелками пасхъ и куличей, и тамъ шла шепотомъ бесѣда. Помню, эта тихая полуосвѣщенная церковь всегда производила на меня торжественное, хорошее религіозное чувство, хотѣлось помолиться, гдѣ нибудь тихонько въ уголочкѣ, чувствовалось ожиданіе чего то радостнаго, великаго. Вотъ наконецъ раздался первый ударъ колокола, церковь наполняется народомъ, все мѣсто около иконостаса устанавливается узлами съ куличами и пасхами. Весь народъ стоитъ въ ожиданіи крестнаго хода, читается полунощница. Народъ разбираетъ иконы, хоругви; священникъ и дьяконъ выходятъ изъ алтаря. Священникъ съ крестомъ впереди, за нимъ хоругви, иконы, весь народъ и мы всѣ со свѣчами въ рукахъ идемъ на паперть. Насъ дѣтей становятъ на скамейки около стѣнъ. Крестный ходъ обошелъ около церкви и возвращается опять на паперть. Священникъ при полной тишинѣ стоитъ передъ дверями храма и, вотъ громко торжественно провозглашаетъ: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ"... Начинается радостное пасхальное пѣніе, всѣ идутъ въ церковь, которая вся уже горитъ огнями. Заутреня и обѣдня кончаются и всѣ радостные веселые ѣдемъ домой. Въ церкви мы со всѣми христосовались. Пріѣхавши, мы шли въ столовую разгавляться. Пасхальный столъ былъ полонъ вкусныхъ пасохъ, куличей, крашеныхъ яицъ, ветчины и т. д. Тутъ же кипѣлъ самоваръ. Помню, мнѣ такъ бывало весело, радостно въ это раннее утро, хотѣлось любоваться только что всходившимъ солнцемъ и слушать веселое пѣніе птицъ. Няня намъ разсказывала, что въ этотъ день солнце при восходѣ „играетъ" и что птицы тоже поютъ особенно радостно, привѣтствуютъ Воскресеніе Христово. Помню, ѣсть не особенно хотѣлось, съѣдали мы немного нашей любимой пасхи и кулича и поскорѣе спѣшили въ залу, гдѣ уже собирались всѣ крестьяне. Крестьяне и всѣ дворовые приходили христосоваться „съ господами".

Для нихъ на большихъ столахъ была приготовлена закуска: нарѣзанная маленькими кусочками сырая провѣсная ветчина, „людскіе" куличи. Разговѣвшись отецъ, мать и тетя выходили къ нимъ. Отецъ подноситъ каждому по большой рюмкѣ водки, даетъ изъ стоящей около него большой корзины красное яицо; а мать угощала закуской. Всѣ большіе и мы дѣти съ каждымъ „христосовались" крестьянами цѣловались, приходили къ намъ въ домъ только одни мужчины, крестьянскія бабы христосоваться не приходили. Съ бородатыми мужиками цѣловаться мнѣ было непріятно, потому еще, что отъ каждаго изъ нихъ пахло водкой, послѣ выпитой рюмки, я этого непріятнаго чувства очень стыдилась и никому о немъ не говорила. Почти отъ каждаго мужика мы дѣти получали по яйцу и клали ихъ въ корзиночки нарочно для этого принесенныя нами въ залу. Яйца появлялись въ корзинѣ разноцвѣтныя—темно желтыя, отъ луковой кожи, шоколаднаго свѣта отъ гречневой лузги, синія, черныя и темно красныя отъ разныхъ сандаловъ. Послѣ ухода крестьянъ всѣ укладывались спать и насъ также укладывали въ постель, плотно закрывши окна отъ свѣта, и въ домѣ наступала полная тишина. Только горничныя должны были вытирать полъ послѣ нашествія толпы народа. Намъ конечно, не спалось долго въ это радостное, такъ долго жданное утро; встанешь часовъ въ 9-ть, потихоньку чтобы не будить большихъ. Нарядимъ бывало въ праздничныя наряды куколъ, устраиваемъ имъ то же пасхальный столъ и идемъ, если хорошая погода на балконъ и на дворъ. Играемъ съ дворовыми и деревенскими ребятишками. Встаютъ большіе, опять пьемъ вкусный чай съ пасхами и куличами. Послѣ чая катаемъ яйца, для чего въ залѣ разстилался большой коверъ и на маленькую скамеечку ставился покато лубокъ. Я очень любила катать яйца, въ этой забавѣ участвовали всѣ наши горничныя. Тетя выбирала изъ нашихъ корзинъ самыя красиво и ровно окрашенныя яйца, которыя она для насъ прекрасно разрисовывала перочиннымъ ножичкомъ, проскабливая краску. Какъ у нее, такъ и у матери эта работа была прелестна. Выходили цѣлые букеты, полные изящныхъ, тонкихъ какъ кружево цвѣтовъ. Такъ проходилъ первый день пасхи до вечера. Часовъ въ 5-ть залу приготовляли для принятія образовъ, которые приносили къ намъ послѣ вечерни изъ церкви и иконы въ нашемъ домѣ ночевали. Одна стѣна залы заставлялась столами, равной ширины ломберными, эти столы покрывались бѣлыми „гарными" скатертями, доходящими до пола. Подъ столы клали палицу, сошники, какъ орудія пахоты, сѣно и ставили мѣру съ овсомъ и другую съ рожью. Все это дѣлалось, чтобы Господь благословилъ предстоящія полевыя работы и послалъ урожай хлѣбовъ. Подъ спущенными скатертями ничего не было видно, что

лежало подъ столами. Желающіе изъ дворовыхъ людей и крестьянъ отправлялись на погостъ за иконами. Мы всѣ ходили ихъ встрѣчать. Каждый входящій съ иконой говорилъ „Христосъ Воскресе“ и мы всѣ отвѣчали „Воистину Воскресе“... Иконы устанавливались на приготовленныхъ столахъ, зажигали предъ каждой лампаду. Всѣ приходили въ тихое молитвенное настроеніе. Залу кругомъ затворяли и всѣ рано, засвѣтло уходили спать.

На утро къ намъ приходили священникъ со всѣмъ причтомъ. Кромѣ, священника, дьякона и дьячковъ приходили всѣ ихъ семейныя— жены и дѣти и старухи вдовы. Однимъ словомъ, все населеніе погоста въ этотъ день бывало у насъ въ домѣ. Сначала служили молебенъ съ водосвятіемъ въ залѣ и вездѣ кропили святой водой. Потомъ служили молебенъ на скотномъ дворѣ и кропили всю скотину, и послѣдній молебенъ служили въ ригѣ. Крестьяне которыхъ называли „богоносцами“ уносили иконы, мы всѣ и вся дворня къ нимъ прикладывались и провожали образа до сосѣдняго дома, старухи Екатерины Осиповны Масловой. Зала въ это время уже была разобрана и во всю длину бывалъ накрытъ и весь причтъ съ семьями оставался у насъ обѣдать. Обѣдъ состоялъ изъ безчисленныхъ блюдъ, но самыхъ простыхъ. Бывало множество мяса во всѣхъ видахъ и всегда обѣдъ заканчивался сладкими пирогами съ вареньемъ, сваренныкъ на меду вмѣсто сахара. На этомъ обѣдѣ подавалось много домашнихъ настоекъ, называемыхъ „травникомъ“, а также и наливокъ. Помню, что всѣ женщины съ погоста, жены дьячковъ и даже дьякона, мясо нарѣзали ножемъ и вилкой, но ѣли нарѣзанное всегда руками, а дьячекъ Иванъ Андреевичъ въ концѣ обѣда говорилъ разныя изрѣченія древнихъ мудрецовъ на латинскомъ и греческомъ языкѣ. Вообще всѣ въ концѣ обѣда бывали очень оживленны. Послѣ пили чай съ „паточнымъ вареньемъ“ и всѣ уходили домой. Святая недѣля проходила для насъ дѣтей весело. Если не было на дворѣ снѣгу, то намъ ставили качели, очень высокія, на „козлахъ“, изъ очень толстаго лѣса, дѣлали ихъ плотники и отецъ самъ слѣдилъ, чтобы качели сдѣланы были прочно на нихъ качались всѣ желающіе, вся дворня и мы съ нашими пріятелями. Качались по шести и болѣе человѣкъ на длинной доскѣ, двое по сторонамъ на узкой сторонѣ доски стояли и раскачивали, а остальные садились на длинныхъ сторонахъ по обѣ стороны. Качались и по одиночкѣ, садясь на веревкахъ, съ подлаженной маленькой дощечкой или подушкой. Качели оставались у насъ на все лѣто, снимали ихъ уже поздно осенью. Святая проходила въ разныхъ, уже весеннихъ забавахъ, ничего уже не имѣвшихъ общаго съ зимними. Катали

яйца, качались на качеляхъ, по вечерамъ у насъ на дворѣ и на лугу водили хороводы, пѣли пѣсни, играли въ жмурки и другія игры. Съ понедѣльника Ѳоминой начинались будни, мы принимались за уроки, а горничныя вмѣсто зимней пряжи на самопрялкѣ—плели кружева. Работа эта, какъ и вообще всѣ другія подобныя, производились въ нашемъ домѣ подъ руководствомъ моей тети, замѣчательно красиво и изящно. Кружева плели изъ тончайшихъ нитокъ, не толще паутины и такого же по тонинѣ шелка. Кружева были черныя и бѣлыя, красивыхъ узоровъ и ширина ихъ была отъ одного вершка до полуаршина; выплетали цѣлыя перелины и воланы. Мать моя ихъ, кажется, продавала въ Москвѣ за дорогую цѣну.

Молоденькія горничныя вышивали „гладью" въ пяльцахъ по батисту и нансуку.

Мать вышивала шерстями въ пяльцахъ разныя картины, подушки и т. п. Тетя вязала узорчатые чулки изъ тончайшихъ нитокъ „въ приданое", какъ она говорила, для насъ съ сестрой. Мы съ сестрой послѣ уроковъ все время были на воздухѣ, и пользовались полной свободой. Я почти всегда была неразлучна съ моимъ милымъ старикомъ садовникомъ Виссаріономъ. Возилась съ нимъ вмѣстѣ около его парниковъ, помогала ему, по его указанію въ пересадкѣ маленькихъ растеній, вырѣзала съ нимъ спаржу.—Виссаріонъ вилами приподнималъ навозъ накрывавшій грядку со спаржей, подъ которымъ въ изобиліи торчала бѣленькая съ желто-сѣренькой головкой сочная толстенькая спаржа. Я вырѣзала ее изъ земли ножичкомъ и мы съ Виссаріономъ собирали ее въ снопки, перевязывали, почему то непремѣнно тесемочкой изъ лыка, такой, изъ которой плетутъ лапти и, нѣсколько такихъ связанныхъ пучковъ я приносила домой и передавала тетѣ, та похвалитъ бывало спаржу и прикажетъ передать повару; но если мое приношеніе видѣла мать, то всегда сердилась на меня говоря: „опять вся перепачкалась, растрепалась! посмотри на себя, на что ты похожа". Поэтому я всегда старалась какъ можно рѣже попадаться ей на глаза.

Я многимъ въ моихъ воспоминаніяхъ обязана Виссаріону, онъ больше всѣхъ научилъ меня любить природу. Самъ онъ былъ большой эстетикъ, несмотря на самую грубую оболочку. Онъ зналъ названіе каждой травки и каждаго цвѣтка, о многихъ растеніяхъ онъ разсказывалъ цѣлыя легенды, также онъ зналъ всѣхъ птицъ, всѣхъ насѣкомыхъ и образъ ихъ жизни. Такимъ образомъ онъ былъ моимъ учи-

телемъ ботаники и зоологіи. Его наука была конечно самаго примитивнаго народнаго образа, прикрашенная разными фантастическими прибавленіями. Эти разсказы я очень любила. Благодаря ему я впослѣдствіи съ большой охотой читала все что могла достать по естествознанію. Подобное чтеніе меня интересовало, только благодаря постоянной жизни въ деревнѣ и дружбѣ съ Висаріономъ. Насъ тогдашнихъ „барышень" въ семьяхъ помѣщиковъ подобнымъ наукамъ не учили, вся наша дѣтская тогдашняя литература была „благонравно-сантиментальная". Виссаріонъ же помогалъ мнѣ устраивать свой маленькій цвѣтникъ и огородикъ: на выпрошенной мною у матери землѣ около дома. Этотъ кусочекъ земли мнѣ доставлялъ безконечное удовольствіе. Все, что было у Виссаріона, хотя по одному кусочку земли бывало и у меня. 21-го апрѣля были именины нашей дорогой тети Александры Павловны. Въ этотъ день къ намъ собирались почти всѣ наши сосѣди съ утра, у насъ завтракали, обѣдали и поздно вечеромъ уѣзжали домой. Пріѣзжали изъ Любова Селивановы въ трехъ экипажахъ, въ одномъ старикъ, нашъ крестный Василій Павловичъ Селивановъ, въ другомъ его сестра, старушка, дѣвица, воспитательница сиротъ дѣтей Варвара Павловна и наконецъ, третій экипажъ—карета съ молодыми Селивановыми Маріей Дмитріевной и Василіемъ Васильевичемъ. Часто, почти всегда съ маленькимъ новорожденнымъ,—дѣтей у нихъ было много. Помню, что одну зиму у нихъ умерли старшія дѣти скарлатиной и на ихъ мѣсто родились другія и имъ были даны тѣ же имена. Въ каретѣ помѣщалась няня новорожденнаго и горничная Маріи Дмитріевны и такое множество вещей, какъ будто пріѣзжали на недѣлю, а не на одинъ день. Наканунѣ тетиныхъ именинъ мы и всѣ горничныя отправлялись въ лѣсъ за сморчками и если мы ихъ набирали, то мать бывала очень довольна. Съ начинкою изъ сморчковъ приготовляли слоеные пироги къ завтраку. За обѣдомъ подавали свѣжіе парниковые огурцы и самую отборную крупную спаржу, салатъ и редисъ; тѣ гости, у которыхъ не было парниковъ, восхищались весенними новинками, и хвалили нашего Виссаріона, а я отъ этихъ похвалъ бывала въ восторгѣ. Кромѣ Селивановыхъ изъ Любова у насъ въ этотъ день бывали Селивановы изъ Кошелева, изъ Плешковъ Милоглядовы и всѣ Клементьевскіе и Мельгуновы изъ Борокъ.

Строилово.

Съ наступленіемъ весны мы, дѣти, ежедневно совершали большія прогулки въ сопровожденіи няни, гувернантки, а иногда двухъ молодыхъ горничныхъ, дочери няни и сироты племянницы дочери садов-

ника Виссаріона Антонины. Чаще всего мы ходили въ Строилово, Индриково и на погостъ Василія Великаго. Строилово все было окружено лѣсомъ, изобилующимъ цвѣтами и грибами. Сначала тамъ мы собирали фіалки (которыя здѣсь называютъ „маткина душка"); эти чудные цвѣты съ замѣчательнымъ ароматомъ клали у насъ во всѣ сундуки и комоды гдѣ прибирали бѣлье, отъ этихъ цвѣтовъ все бѣлье имѣло запахъ фіалокъ. Потомъ тамъ же на лугу набирали незабудки, а въ лѣсу ландыши и наконецъ, все лѣто и осень—грибы. Строилово было необитаемо, принадлежало во время моего дѣтства Чулкову и по его просьбѣ, конечно безплатно, мой отецъ наблюдалъ за этимъ имѣніемъ. Домоправительницей въ домѣ была старушка Катерина Ивановна, кромѣ нея были и еще дворовые люди, которые тоже жили на дворѣ. Настоящими владѣльцами этого имѣнія раньше были Исаковы, имѣвшіе многочисленную семью, которая помѣщалась въ огромномъ домѣ, который я уже помню пустымъ и необитаемымъ. Когда мы приходили гулять въ Строилово, старушка Катерина Ивановна отворяла намъ большой домъ и я очень любила ходить по всѣмъ комнатамъ. Мнѣ этотъ домъ казался таинственнымъ замкомъ, въ которомъ недавно еще жили всѣ его прежніе обитатели, о которыхъ такъ много всегда разсказывала Катерина Ивановна. Въ домѣ было много картинъ, мебель была изъ карельской березы, шкафы съ стеклянными дверками были полны дорогой посуды. Судьба этого имѣнія была очень печальна. Исаковъ Василій Семеновичъ, владѣтель Строилова и многихъ другихъ деревень, богатый молодой помѣщикъ женился на молодой помѣщицѣ Аннѣ Ильиничнѣ Чулковой, жили они открыто, богато, имѣли много дѣтей; кромѣ того у нихъ жили и умерли подъ ихъ кровомъ приживалки и приживальщики, какъ это тогда бывало у многихъ помѣщиковъ. Когда Василій Семеновичъ умеръ еще нестарымъ человѣкомъ, жена его Анна Ильинична, совсѣмъ не имѣвшая понятія о положеніи своихъ дѣлъ, пришла въ ужасъ не зная, что дѣлать—на рукахъ ея оставалось шесть человѣкъ дѣтей, старшей дочери Александрѣ было 17 лѣтъ, второй Алефтинѣ 14, а еще 4 сына подростка, которые требовали серьезнаго воспитанія. Въ домѣ были учителя, гувернантки, все это требовало массы денегъ. На бѣду Анна Ильинична заболѣла какой то хронической болѣзнью и слегла въ постель. Всѣ дѣла по хозяйству и по воспитанію дѣтей пришли въ полный упадокъ. Тогда она выписала своего единственнаго брата Василія Ильича Чулкова, жившаго въ своемъ большомъ имѣніи въ Сапожковскомъ уѣздѣ; здѣсь въ Зарайскомъ уѣздѣ у него тоже было имѣніе, доставшееся ему отъ матери Индриково и находившееся въ одной верстѣ отъ Строилова; но въ этомъ имѣніи онъ бывалъ очень и очень рѣдко.

Чулковъ, пріѣхавши къ сестрѣ, показался ей очень сердечнымъ и родственнымъ, былъ необыкновенно ласковъ какъ съ сестрой такъ и съ ея дѣтьми, что всѣхъ удивляло, такъ какъ всѣ знали, что онъ былъ очень крутой и жестокій человѣкъ. Анна Ильинична вполнѣ подпала подъ его вліяніе и вѣрила ему какъ богу. Въ немъ одномъ видѣла спасеніе своихъ дѣтей и чувствуя приближеніе смерти, по его совѣту, чтобы дать ему возможность устроить по своему усмотрѣнію всѣ дѣла по имѣнію, передала Василію Ильичу Чулкову все свое состояніе по духовному завѣщанію. Свидѣтелями этого несчастнаго завѣщанія были мой отецъ и Василій Васильевичъ Селивановъ. Оба они, безконечно добрые и честные люди, неспособные на какой либо безчестный поступокъ и видѣвшіе и въ другихъ людяхъ только хорошія стороны, конечно не могли предполагать, чтобы Чулковъ—богатый, даже очень богатый человѣкъ, рѣшился обмануть единственную, умирающую сестру и обидѣть ея круглыхъ сиротъ дѣтей. Но случилось именно то, чего они, свидѣтели, не ожидали. Какъ только умерла Анна Ильинична, онъ всѣхъ дѣтей забралъ къ себѣ въ Сапожковское имѣніе, Самодуровку. Въ то время сообщеніе между уѣздами даже одной губерніи было очень затруднительно, такъ какъ приходилось сотни верстъ проѣзжать проселочными и въ большинствѣ очень плохими дорогами, а потому о жизни въ Самодуровкѣ никто изъ родныхъ Чулкова хорошо не зналъ. Онъ былъ холостякъ, страстный охотникъ, безконечно жестокій къ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ, имѣлъ, говорили, цѣлый гаремъ крѣпостныхъ красавицъ, но все это было слухи и вѣрнаго ничего не было извѣстно. Онъ же говорилъ въ Строиловѣ своей умирающей сестрѣ и моему отцу и В. В. Селиванову, что не только имѣніе Исаковыхъ передастъ насколько возможно благоустроеннымъ дѣтямъ Анны Ильиничны, но даже и свое состояніе, такъ какъ другихъ наслѣдниковъ, кромѣ Исаковыхъ, у него нѣтъ.

И такъ со смерти Анны Ильиничны Строилово стало необитаемымъ. Жизнь несчастныхъ дѣтей въ Самодуровкѣ была ужасна. У Чулкова была тамъ своя незаконная семья: двѣ дочери и два сына; любовница его, мать этихъ дѣтей была полновластная хозяйка въ домѣ. Дѣтей своихъ воспитывали въ роскоши, старшую Исакову Александру 17-ти лѣтъ сдѣлали гувернанткой, заставляли учить дѣтей Чулкова, готовить ихъ въ учебныя заведенія, и ее такъ замучили, что она скоро умерла скоротечной чахоткой. Вторую дочь Алефтину избавила отъ этой жизни моя крестная мать Анна Васильевна Звягина, мужъ которой былъ родственникъ Чулкова. Объ этой воспитанницѣ Звягиной я уже говорила въ началѣ моихъ записокъ.

Мальчиковъ же Исаковыхъ, выучиши кое-какъ, едва имъ наступило 16-ть лѣтъ отправили юнкерами на Кавказъ, гдѣ въ то время шла безконечная война съ черкесами. Иванъ былъ убитъ на Кавказѣ, Василій и Михаилъ совсѣмъ спились тамъ и вернулись въ Россію много лѣтъ спустя въ самомъ ужасномъ видѣ. Михаилъ вскорѣ умеръ, а Василій ходилъ изъ дома въ домъ, гдѣ ему изъ милости давали кусокъ хлѣба, и кончилъ самоубійствомъ. Третій сынъ Исаковыхъ—Павелъ былъ очень умный и талантливый юноша, и печальная обстановка бѣднаго армейскаго юнкера на Кавказѣ не заглушила въ немъ природныхъ хорошихъ качествъ; насколько возможно, онъ старался пополнить свое образованіе, много читалъ, писалъ стихи, былъ очень красивъ, но и его на Кавказѣ постигло несчастіе, онъ былъ раненъ въ глазъ и грудь. Раны зажили, но глазъ былъ потерянъ, хотя лицо осталось интереснымъ и красивымъ. Служить онъ больше не могъ и пріѣхалъ къ Чулкову въ Самодуровку. У Чулкова были двѣ незаконныя дочери—Марія и Анна, уже взрослыя дѣвушки и два сына, взрослый Василій и мальчикъ еще Иванъ. Такова была семья Чулкова, когда къ нему вернулся съ Кавказа Павелъ Васильевичъ Исаковъ. Обѣ дочери Чулкова были красивы, особенно хороша была старшая Марія; высокая, статная, брюнетка, съ чудными вьющимися черными волосами и прелестнымъ цвѣтомъ лица. Павелъ Васильевичъ влюбился въ нее и она въ него. Павелъ Васильевичъ просилъ у дяди позволенія жениться на любимой дѣвушкѣ; но тотъ разгнѣвался и выгналъ племянника изъ дома. Молодые люди подъ покровительствомъ прислуги видались тайно и рѣшили во всякомъ случаѣ повѣнчаться, такъ какъ Марія Васильевна почувствовала, что скоро будетъ матерью. И вотъ въ одинъ изъ праздниковъ, когда вся семья Чулкова, кромѣ его самого была въ церкви, Павелъ Васильевичъ пріѣхалъ на тройкѣ, которую оставилъ въ лѣсу недалеко отъ церкви. Марія Васильевна сказала матери, что чувствуетъ себя дурно, вышла на паперть, гдѣ ее уже ожидалъ посланный отъ Павла Васильевича, проводилъ ее къ жениху и они ускакали въ сосѣднее село, гдѣ уже ждалъ ихъ въ церкви священникъ и свидѣтели и тотчасъ началось ихъ бракосочетаніе. Мать Маріи Васильевны, видя, что дочь долго не возвращается, пошла посмотрѣть гдѣ она и не видя ея около церкви поспѣшила домой. Поднялась тревога, поняли, что дочь увезена Исаковымъ, послали погоню, но уже было поздно, посланные попали въ церковь когда на молодыхъ Исаковыхъ уже были надѣты вѣнцы. Гнѣву Чулкова не было конца, дочь его умерла, не примирившись съ родителями. Вся дворня была жестоко наказана, такъ какъ всѣхъ домашнихъ людей считали пособниками побѣга Маріи Васильевны. Горничная, ходившая за барыш-

нями, такъ была избита, что вскорѣ умерла. Молодые Исаковы не имѣли никакихъ средствъ, поѣхали сейчасъ же послѣ свадьбы въ Москву къ сестрѣ Исакова, Алефтинѣ Васильевнѣ, въ то время уже бывшей замужемъ за студентомъ Московскаго Университета Бьерклюндомъ, и жившей въ это время тоже очень бѣдно, такъ какъ моя крестная мать Звягина, у которой она жила со смерти своей матери до самаго своего брака, дала ей лишь очень небольшое имѣніе въ Спасскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи. Павелъ Васильевичъ сейчасъ послѣ свадьбы, по совѣту лучшихъ московскихъ адвокатовъ началъ процессъ съ Чулковымъ, въ которомъ доказывалъ, что Чулковъ ихъ имѣніями владѣетъ незаконно, такъ какъ обманомъ выманилъ у ихъ матери духовное завѣщаніе, которое она по закону сдѣлать не могла, такъ какъ не имѣла права лишать малолѣтнихъ дѣтей наслѣдства родовыми имѣніями. Но только Павелъ Васильевичъ черезъ годъ или два послѣ свадьбы умеръ отъ чахотки, а черезъ 6 или 7-мъ мѣсяцевъ послѣ его смерти умерла и Марія Васильевна оставивши на рукахъ Алефтины Васильевны маленькаго сына Николая.

Губернскимъ Предводителемъ въ то время былъ Алексѣй Васильевичъ Селивановъ, онъ вызвалъ къ себѣ Чулкова и убѣдилъ его возвратить Исаковымъ ихъ имѣнія, говоря, что если онъ не сдѣлаетъ этого добровольно, то все равно имущество Исаковыхъ у него будетъ отобрано судомъ, и что послѣ такого скандальнаго процесса его попросятъ выйти изъ дворянскаго сословія, о чемъ уже былъ у Предводителя во время выборовъ разговоръ со всѣми дворянами.

Чулковъ согласился отдать Исаковымъ имѣнія, принадлежащія имъ, но и тутъ насколько возможно обобралъ ихъ, изъ Строилова все цѣнное было вывезено въ Индриково, остались одни голыя стѣны стараго дома. Это имѣніе досталось Василію Васильевичу Исакову, а Коломенское имѣніе сиротѣ, сыну Павла Васильевича и Маріи Васильевны—Николаю. Алефтина Васильевна получила отъ Чулкова деньгами 3000. И на эти деньги выкупила у брата Строилово, который въ это время уже совсѣмъ спился. Сестра, купившая Строилово, устроила его у себя, но ему жизнь у сестры не понравилась, онъ скоро ушелъ отъ нея и кончилъ, какъ я уже сказала раньше, самоубійствомъ въ домѣ своего племянника Николая Исакова, тогда уже взрослаго. Покончилъ онъ съ собою въ пьяномъ видѣ. Строилово и до сихъ поръ принадлежитъ дочери Алефтины Васильевны—Аннѣ Эргардовнѣ по мужу Сикорской. Вотъ какова была судьба Строилова. Во время моего дѣтства оно было уже необитаемымъ.

Вторымъ мѣстомъ нашей дальней прогулки бывало Индриково, принадлежащее во время нашего дѣтства Василію Ильичу Чулкову, обворовавшему несчастныхъ сиротъ своей сестры Исаковыхъ. Имѣніе это такъ же въ то время было необитаемо какъ и Строилово и мой отецъ, по просьбѣ Чулкова, помогалъ его старостѣ писать отчеты и письма и дѣлалъ ему указанія въ разныхъ дѣлахъ, которыя требовали соображенія болѣе образованнаго человѣка.

Въ Индриковѣ былъ небольшой барскій домъ, въ которомъ жила до своей смерти мать Чулкова, Марія Александровна. Индриково было очень красиво благодаря обилію воды,—усадьба была окружена съ трехъ сторонъ громадными прудами. За прудами, которые соединялись между собою плотинами, шла березовая роща. Съ другой стороны дома, тоже за прудомъ, былъ фруктовый садъ, гдѣ въ изобиліи росли вишни, крыжовникъ всѣхъ сортовъ и масса прекрасныхъ яблокъ. Намъ позволялось ловить удочками въ прудахъ карасей, которыхъ тамъ водилось множество. Въ лѣсу собирали грибы, цвѣты, а когда поспѣвали ягоды и яблоки, то любезные садовники всегда наполняли намъ корзины этими вкусными вещами. Но несмотря на всѣ хорошія стороны, прогулки въ Индриковѣ и посѣщеніе этого мѣста на меня, дѣвочку, производили впечатлѣніе тяжелое. Чулковъ, какъ помѣщикъ, былъ страшный тиранъ и бывая въ Индриковѣ я почти всегда слышала рѣчи о его злодѣяніяхъ съ крѣпостными крестьянами. Приходилось слышать о жестокихъ наказаніяхъ и даже истязаніяхъ, которыя онъ позволялъ надъ своими людьми. Всѣ пруды-озера, окружающіе въ то время усадьбу Индрикова, были вырыты его крѣпостными; за самую маленькую вину посылали въ наказаніе, „подъ тачки", какъ назывались эти земляныя работы. И женщины, и дѣти-подростки и всѣ, кому приходилось неугодить самому Чулкову или его сожительницѣ Агафьѣ Родіоновнѣ, матери его незаконныхъ дѣтей, перебывали на этой тяжелой работѣ. Она сама была крестьянка, но своей жестокостью ни сколько не уступала самому Чулкову.

На эти тяжелыя земляныя работы присылались по окончаніи лѣтнихъ работъ всѣ виновные изъ разныхъ имѣній, больше всего конечно изъ Самодуровки, Сапожковскаго уѣзда, постоянной резиденціи самого Чулкова и его семьи. Жили эти рабочіе въ Индриковѣ, полуголодные, на холодѣ, въ кое-какъ устроенныхъ шалашахъ, съ ними пріѣзжалъ и надсмотрщикъ, который обязанъ былъ смотрѣть за работами, а главное наблюдать, чтобы каждый осужденный на эту работу вывозилъ на себѣ назначенное ему число тачекъ, наполненныхъ землею.

Одна женщина, которая ходила за индѣйками, и у которой по какой то ея оплошности околѣлъ дорогой заводской индѣйскій пѣтухъ, была прислана въ Индриково вмѣстѣ съ этимъ мертвымъ пѣтухомъ, который висѣлъ у нее на шеѣ на веревкѣ, и она должна была ходить съ этимъ вонючимъ, разлагавшимся пѣтухомъ на работу. Когда до моего отца дошелъ объ этомъ слухъ, онъ сейчасъ же самъ поѣхалъ въ Индриково, приказалъ снять съ несчастной бабы ея ужасную ношу, несмотря на протесты надсмотрщика, и написалъ угрожающее письмо къ Чулкову, говоря, что если, что-либо подобное случится опять, то мой отецъ будетъ принужденъ довести обо всемъ до свѣдѣнія Губернатора. Чулковъ отвѣтилъ отцу самымъ любезнымъ письмомъ, увѣряя, что все случившееся было сдѣлано безъ его вѣдома. Часто присылались довѣренныя лица (мужчины и женщины изъ дворовыхъ) изъ Самодуровки вербовать молодыхъ дѣвушекъ отъ 13 до 20 лѣтъ, а также и мальчиковъ отъ 12 до 17-ти лѣтъ. Пріѣздъ этихъ наборщиковъ повергалъ въ неописуемый ужасъ все населеніе Индрикова и Строилова. Снаряжались нѣсколько подводъ, по жребію выбирались подводчики, усаживали на эти подводы на одни дѣвушекъ, на другія мальчиковъ; кричали, плакали родители, и и несчастныя дѣти, которыхъ разлучали съ семьей и везли въ Самодуровку, разсказы о которой всѣхъ приводили въ ужасъ. Этихъ несчастныхъ молодыхъ людей въ Самодуровкѣ сортировали. Мальчиковъ оставляли нѣкоторыхъ при домѣ, остальныхъ—кого въ охотникахъ, кого въ конюшнѣ при конюхѣ, кого въ казачкахъ при взрослыхъ лакеяхъ, а другихъ отправляли въ Москву въ ученье разнымъ мастерствамъ и музыкѣ, такъ какъ въ Самодуровкѣ былъ свой оркестръ. Молодыхъ дѣвушекъ оставляли нѣкоторыхъ при домѣ для разныхъ услугъ, другихъ учили разнымъ рукодѣльямъ, вышивать гладью, плести кружева. Самыхъ же красивыхъ брали въ гаремъ для удовольствія самого Чулкова и его пріятелей, и по прошествіи трехъ, четырехъ мѣсяцевъ этихъ несчастныхъ дѣвушекъ выдавали замужъ за крестьянскихъ парней, которымъ приходило время жениться, и которымъ недоставало невѣстъ, а иногда возвращали обратно на родину въ семью. Какъ рыли пруды въ Индриковѣ я уже не помню, такъ какъ я ихъ уже знала полныхъ воды и рыбы, но каждый разъ, когда мы бывали тамъ, няня вспоминала объ этихъ работахъ и мнѣ всегда казалось, что крестьяне Чулкова очень похожи на израильтянъ въ Египтѣ. Но молодыхъ дѣвочекъ и мальчиковъ увозили въ Самодуровку на моей памяти. Я помню какъ осиротѣлыя матери и бабушки съ плачемъ разсказывали нянѣ о разлукѣ съ своими дѣтьми. Помню, и мы всѣ слушая эти разсказы, тоже плакали. Самъ Чулковъ рѣдко бывалъ въ Индриковѣ, но когда пріѣзжалъ, то часто бывалъ въ Карцевѣ у моего отца. Я его боялась

и ненавидѣла и наружность мнѣ его казалась очень страшной (хотя большіе говорили, что онъ былъ красивъ), лицо у него было какое то сизое, обожженное, (какъ говорили, порохомъ); онъ много разсказывалъ о 12-мъ годѣ, о томъ, какъ послѣ побѣды надъ французами наши войска были въ Парижѣ и какъ тамъ проводили время, и должно быть эти разсказы были хороши, потому что моя цѣломудренная тетя и мать приходили въ ужасъ и уходили изъ залы, оставляя слушателемъ одного моего отца. Разсказы о Чулковѣ и ему подобныхъ мы слышали постоянно отъ нашей няни и отъ другихъ дворовыхъ, а также и отъ моего друга садовника Виссаріона, который всѣ разсказы о несправедливостяхъ и жестокостяхъ помѣщиковъ заканчивалъ такъ: „что дѣлать, должны терпѣть, ибо на нашемъ братѣ крѣпостномъ человѣкѣ лежитъ проклятіе Хама, сына Ноева,—на то значитъ воля Бога". Всѣ эти разсказы и событія оставляли глубокое впечатлѣніе въ моемъ маленькомъ дѣтскомъ сердечкѣ и развивали любовь къ закрѣпощеному народу и непріязнь къ его властителямъ.

Я мечтала, что когда выросту большая, то сдѣлаю всѣхъ моихъ любимцевъ свободными и какъ всѣ они будутъ дѣлать то, что имъ пріятно, а не то, что имъ приказываютъ, такъ напримѣръ, тетя Саша пойдетъ путешествовать по всѣмъ монастырямъ, о чемъ она всегда мечтала, Виссаріонъ разведетъ новый садъ на нашемъ огородѣ, который я ему подарю и т. д. И при этомъ я всегда радовалась, что въ нашемъ хозяйствѣ не было ничего жестокаго и тяжелаго, того о чемъ разсказывали про другихъ господъ; но и у насъ мнѣ многое не нравилось, особенно гнѣвныя вспышки моей матери, которыя, правда, ничѣмъ кромѣ гнѣвнаго истерическаго крика не выражались, но и эти сцены сильно возмущали меня и я всегда старалась чѣмъ нибудь порадовать, утѣшить потерпѣвшихъ отъ гнѣва матери и всегда ходатайствовала за нее передъ обиженными ею людьми.

Погостъ Василія Великаго.

Нашъ погостъ, гдѣ стояла наша приходская церковь очарователенъ по своему мѣстоположенію. Разстояніе отъ Карцева до Погоста было версты двѣ или даже немного меньше. Дорога отъ Карцева до церкви очень живописная, идти приходится лугомъ, посрединѣ глубокой лощины, которою течетъ рѣчка, чистая и прозрачная, на днѣ которой видны пестрые мелкіе камешки и песокъ. По обѣимъ сторонамъ луга идутъ высокія горы, прорѣзанныя мѣстами глубокими оврагами. Этотъ лугъ и рѣчку пересѣкало шоссе; на обѣ стороны противуположныхъ горъ былъ перекинутъ мостъ,

довольно красивой архитектуры и въ нашихъ мѣстахъ этотъ мостъ назывался „большимъ мостомъ". На погостъ, если не хотѣли взбираться на гору, надо было проходить подъ мостъ, проходъ этотъ былъ довольно затруднителенъ, что намъ дѣтямъ очень нравилось. Приходилось идти по крутой отвѣсной насыпи между свай, а внизу бѣжала быстрая узкая полоса рѣчки. За мостомъ открывался чудный видъ. Рѣчка здѣсь дѣлается шире, на горѣ покрытой прекраснымъ сосновымъ лѣсомъ виднѣлась наша приходская церковь, около нее ютились домики двухъ нашихъ священниковъ, дьякона и дьячковъ. Съ другой стороны церкви было кладбище. За оградой около оконъ алтаря были могилы нашихъ предковъ, а также могилы Исаковыхъ и матери Чулкова.

Ни села, ни одного посторонняго дома, кромѣ сторожки и домовъ причта здѣсь не было. Это мѣсто было прежде занято Троицкимъ монастыремъ, который былъ переведенъ въ окрестности Рязани, а на мѣстѣ монастыря была кѣмъ то выстроена церковь во имя Св. Троицы и Василія Великаго. Ходить гулять на погостъ мы, дѣти, наши гувернантки и няня очень любили. Насъ тамъ всегда принимали очень радушно, особенно семья нашего дьякона Ивана Петровича. У него была дочь Анюта, наша сверстница по годамъ, мы очень дружили, она часто дѣвочкой гостила у насъ по долгу, а по окончаніи своего воспитанія у своей тетки въ Рязанскомъ женскомъ монастырѣ, совсѣмъ переселилась на житье къ намъ въ Карцево. Я въ то время только что вышла замужъ, и Анюта или наша Анна Ивановна, какъ мы ее всѣ называли, уже никогда больше съ нашей семьей не разлучалась. Она была настоящимъ моимъ другомъ, моимъ Ангеломъ-Хранителемъ,—всю свою долгую жизнь посвятила мнѣ, моей семьѣ и моимъ интересамъ, дѣлила со мной и радость и горе, и никогда неразлучалась со мной, гдѣ бы мы не жили. Она уже старухой умерла на моихъ рукахъ, у меня въ Карцевѣ гдѣ мы съ ней послѣ смерти моего мужа прожили вдвоемъ 25 лѣтъ. И эти я 25 лѣтъ, несмотря на многія матеріальныя лишенія, считала самыми счастливыми годами моей жизни. Со смертью моего дорогого друга Анны Ивановны вся моя жизнь измѣнилась и я уже себя не чувствую никогда такъ хорошо, какъ мнѣ жилось при ней въ нашемъ миломъ родномъ уголкѣ, окруженномъ простымъ народомъ, который относился къ намъ самымъ сердечнымъ образомъ; мы съ Анной Ивановной во всѣ 25 лѣтъ ни одного худого поступка отъ окружающихъ не видали. Вотъ какое большое отступленіе мнѣ пришлось сдѣлать, вспомнивши мою дорогую Анюту.

И такъ на погостѣ намъ всѣмъ бывало очень хорошо: намъ отъ дьякона или иногда отъ священника выносили въ лѣсъ на траву самоваръ, густыя сливки, творогъ, пышки; мы съ наслажденіемъ пили тамъ чай и полдничали. Иногда приходилось тамъ застать вечерню и я очень любила въ это время бывать въ церкви. Какъ то особенно мирно, хорошо бывало тамъ, церковь почти пустая, кромѣ священника и причта никого нѣтъ, лучи заходящаго солнца по особенному хорошо освѣщали иконостасъ—мы простаивали вечерню и уже совсѣмъ въ сумеркахъ возвращались домой.

Какъ мы дѣти и наши товарищи, и молодыя горничныя любили эти дальнія прогулки! Кромѣ нашей молоденькой гувернантки съ нами всегда ходила наша няня, въ то время это была рѣдкая по своему уму и развитію женщина, строгая, аккуратная, но при этомъ веселая, умѣющая хорошо разсказывать и сказки, и разные случаи изъ жизни. Наступалъ чудный веселый май, начинался онъ для насъ ярмаркой на нашемъ погостѣ. Въ нашей церкви былъ придѣлъ во имя Бориса и Глѣба, праздникъ ихъ былъ 2-го мая. Наканунѣ, 1-го мая въ нашей церкви была всенощная, единственная во всемъ году, такъ какъ всегда, кромѣ этого дня, во всѣ праздники бывали заутрени. И вотъ 1-го мая мы, если не было дождя, отправлялись пѣшкомъ на погостъ,—тамъ уже начинали съѣзжаться торговцы съ разными товарами, ситцами, посудой, разными лакомствами, но главная торговля была огородными сѣменами. Этотъ вечеръ послѣ всенощной назывался „подторжье". Воза съ товарами еще не разбирались и торговцами устраивались палатки. Торгъ сѣменами шелъ очень бойко, множество бабъ огородницъ сидѣли около церковной городьбы съ мѣшечками разныхъ огородныхъ сѣмянъ и, такъ какъ мы отъ отца и тети получали копѣекъ по 30 на ярмарочныя покупки, то я здѣсь для своего огородика покупала на двѣ и три копѣйки бобовъ и укропу, который очень любила. Хотя всѣ сѣмена я получала отъ Виссаріона, но почему то мнѣ очень нравилось покупать ихъ на погостѣ. 2-го мая мы отправлялись всѣ къ обѣднѣ, а по окончаніи службы начиналась торговля во всѣхъ палаткахъ. Мы покупали для нашего кукольнаго хозяйства крошечные горшечки, кувшинчики, а также и кувшинчики побольше для собиранія ягодъ. Народу на ярмаркѣ всегда бывало очень много, всѣ женщины очень красиво наряжались въ яркія рубашки съ широкими рукавами, въ черныя плисовыя, имѣющія видъ бархата, „корсетки" со множествомъ сборокъ около таліи назади и безъ рукавовъ.

Замужнія бабы носили клѣтчатыя шерстяныя поневы, убранныя внизу позументами и разноцвѣтными лентами, а на дѣвушкахъ

бывали ситцевые пестрые сарафаны и такія же яркія рубашки и черныя „корсетки". Въ сосновомъ лѣсочкѣ около погоста, о которомъ я говорила раньше, устраивалось что то въ родѣ буфетовъ. Крестьяне тамъ пили чай, закусывали и вѣроятно пили водку, такъ какъ съ ярмарки часть нашихъ дворовыхъ возвращались подвыпивши, особено мой милый Виссаріонъ. Я въ этотъ день получала отъ отца моего очень много пріятныхъ вещей въ видѣ цвѣточныхъ высадокъ для моихъ горшечныхъ разводокъ и т. д. Весной и лѣтомъ часто ходили въ лѣсъ сначала собирали фіалки. Потомъ собирали незабудки, которыхъ на лугу бывало такая масса, что издали этотъ лугъ казался какъ бы покрытый голубоватой водой, а въ лѣсу въ это время уже разцвѣтали ландыши, весь домъ мы наполняли этими цвѣтами. 18-го мая, мы всегда ѣздили въ Кошелево, это былъ день именин Александры Александровны. Въ этотъ день туда съѣзжались всѣ родные и знакомые Селивановыхъ. Пріѣзжали Селивановы изъ Любова, всѣ—и старики, и молодые. Василій Павловичъ очень любилъ эту свою невѣстку и всегда ставилъ ее въ примѣръ своей молодой невѣсткѣ Маріи Дмитріевнѣ, женѣ Василія Васильевича, съ которымъ и жили старики. Вѣчная, наивная институтка Марія Дмитріевна, конечно, ничего не имѣла общаго съ умной, милой домовитой хозяйкой Кошелева, которой держался весь домъ, и все благосостояніе семьи. Пріѣзжали въ Кошелево въ этотъ день Селивановы изъ Авдѣева, которые приходились двоюродными братьями Селивановымъ Любавскимъ, Кошелевскимъ и Куковскимъ.

Изъ Авдѣева пріѣзжала вся семья, старый отецъ Алексѣй Николаевичъ, очень умный, жена его Марія Борисовна и сыновья Николай, Борисъ и маленькій Алексѣй. Старшіе два были сверстники намъ и глухонѣмымъ Васѣ и Сережѣ Кошелевскихъ. Намъ дѣвочкамъ изъ Карцева бывало очень весело провести этотъ день въ Кошелевѣ со всѣми этими мальчуганами. Съ Авдѣевскими Селивановыми пріѣзжалъ всегда братъ Алексѣя Николаевича—Петръ Николаевичъ Селивановъ, большой другъ хозяйки Кошелева, Александры Александровны,—семейная молва придавала этой дружбѣ романическую окраску. Этотъ майскій праздникъ въ Кошелевѣ оставилъ въ моей памяти очень пріятныя воспоминанія. Домъ буквально утопалъ въ цвѣтахъ, всюду были букеты бѣлой и лиловой сирени, ландышей. Кромѣ этихъ цвѣтовъ на столахъ красовалось множество чудныхъ букетовъ изъ оранжерейныхъ дорогихъ цвѣтовъ и я уѣзжала изъ Кошелева всегда получая отъ моей милой Александры Александровны одинъ изъ этихъ чудныхъ букетовъ, который долго берегла, какъ драгоцѣнность. Послѣ мая наступало жар-

кое лѣто; начиналось съ іюня купанье, мы съ няней ходили на рѣчку за деревню, гдѣ была чудная прозрачная вода, къ намъ присоединялись наши сверстницы крестьянскія дѣвочки и, съ разрѣшенія няни, купались вмѣстѣ съ нами. Сколько было смѣха, веселья въ водѣ,—я умѣла прекрасно плавать; плавали на спинкѣ, ныряли подъ водой, но все это продѣлывала одна я, сестра Настя была большая трусиха и никогда не могла научиться плавать.

Накупавшись, собирали въ рѣчкѣ камешки, которые въ нашей рѣчкѣ очень разнообразны и красивы, ими я и сестра украшали наши клумбочки, а также играли въ нихъ подбрасывая эти камешки на разные лады. Эта игра имѣла особыя условія какъ и въ мячъ. Каждый взмахъ камней имѣлъ особое названіе. Эту игру особенно любила моя сестра Настя и была большая искусница въ этомъ дѣлѣ. Съ половины іюня ходили собирать землянику. Въ саду въ это время цвѣло множество розъ, лепестки ихъ собирали цѣлыми рѣшетами. Изъ нихъ варили варенье съ какой то кислотой, отъ чего варенье принимало прекрасный ярко розовый цвѣтъ и пріятный кисловатый вкусъ. Изъ этихъ же лепестковъ дѣлали крупу для каши, гнали розовую воду, очень душистую. Это дѣлалъ Тихонъ поваръ. Около рѣчки внизу сада для этого выкапывалась яма, въ ней горѣлъ огонь, надъ которымъ устраивалось что-то вродѣ очага на которомъ помѣщался мѣдный „кубо́къ“, изъ котораго, послѣ долгаго нагрѣванія и прохожденія чрезъ разныя трубочки, находящіяся внутри кубка, вытекала изъ крана тоненькая, едва замѣтная струйка чистой прозрачной и сильно душистой розовой воды. Намъ ей промывали глаза, всегда въ нашихъ спальняхъ бывали бутылки съ розовой водой. Давали ее и крестьянамъ, у кого гноились и болѣли глаза. Тогда о борной кислотѣ и помину не было, да и вообще отъ всѣхъ болѣзней лѣчили домашними средствами и рѣдко за чѣмъ либо обращались къ докторамъ и въ аптеку. Такъ напримѣръ, 24 іюня крестьянки изъ Борислова приносили разныя лѣкарственные травы, связанныя пучками, которыя развѣшивали на чердакѣ въ свѣтелкѣ на протянутыхъ веревкахъ для просушки, когда же эти травы высыхали, ихъ складывали въ пакеты съ надписями—какая трава, и отъ какой болѣзни. Кромѣ этихъ травъ въ іюлѣ сушили массу липоваго цвѣта и малины. Приготовлялись также для домашней аптеки разныя мази, дѣлали мазь изъ бѣлены, изъ березовыхъ почекъ, дѣлали разныя лѣкарственныя настойки, настоенныя на винѣ березовыя почки, цвѣты василька, лепестки піоновъ и т. д.,—цѣлый огромный шкафъ былъ полонъ этими лѣкарствами. 24 іюня кромѣ сбора травъ и цвѣтовъ для лѣкарствъ былъ извѣстенъ всѣмъ намъ съ дѣтства по своимъ легендамъ о цвѣтеніи

въ ночь на Ивана Купалу папортниковъ; сколько чудесъ про эту ночь намъ приходилось слышать отъ нашихъ деревенскихъ друзей. Да легендамъ о папортникѣ въ то время вѣрили не только крестьяне, но и большинство помѣщиковъ.

Многіе разсказывали, что сами будто-бы видѣли въ эту ночь разныя необыкновенныя явленія въ лѣсахъ, гдѣ бывали въ изобиліи папортники. Кромѣ папортниковъ весь деревенскій людъ вѣрилъ русалкамъ и большинство вѣритъ имъ и до сихъ поръ. Недѣля послѣ Троицына дня называется въ народѣ „русальной недѣлей". Троицынъ день въ нашемъ приходѣ второй храмовой праздникъ, я его очень любила. Вся церковь бывала убрана зеленью, полъ покрытъ скошенной травой, иконостасъ весь бывалъ убранъ цвѣтами сирени, піоновъ, колокольчиковъ, желтыхъ лилій, которые мать съ Виссаріономъ всегда посылала въ церковь. Народъ весь тоже стоялъ съ букетами зелени и полевыхъ цвѣтовъ, эти букеты крестьяне называли „вѣнчиками" берегли ихъ и закладывали въ скирды хлѣба, говоря, что мыши не трогаютъ тѣ скирды, куда положены троицкіе вѣнчики Мы также были въ церкви съ принесенными букетами изъ полевыхъ и садовыхъ цвѣтовъ. Нашъ домъ, а также и всѣ избы крестьянъ въ этотъ день убирались березками. И вотъ эту недѣлю послѣ Троицы называли русальской недѣлей, всѣ крестьяне очень боялись эту недѣлю ходить по ржанымъ полямъ, особенно въ тѣ годы, когда рожь бывала густа и высока; многіе чуть не съ клятвами увѣряли, что сами своими глазами видѣли русалокъ, бѣгающихъ по полю съ распущенными волосами. Большинство видали русалокъ когда стерегли ночное; вѣроятно, имъ на разсвѣтѣ въ полуснѣ разные предметы казались живыми людьми.—Воскресенье заговѣнье. Вечеромъ въ этотъ день всѣ крестьяне у кого были коровы, все молоко съѣдали; варили на молокѣ кашу; что оставалось отдавали у кого не было коровы, а уже если некому было отдать, то просто выливали куда нибудь, но ни одна хозяйка не рѣшалась вечерній удой этого дня оставлять у себя въ погребѣ, говоря, что русалки въ эту ночь пьютъ молоко, у кого оно останется, и та корова, отъ которой русалка попьетъ молока, перестанетъ его давать и вообще уже будетъ испорченной. По окончаніи ужина въ эту ночь весь народъ съ шумомъ, пѣснями шелъ провожать русалокъ. Гвалтъ стоялъ невообразимый, били въ косы, въ печныя заслонки и тому подобное, молодыя дѣвушки или очень молодыя вдовы безупречнаго поведенія, запрягались въ соху сзади которую держали такія же вдовы; дѣвушки съ распущенными волосами въ бѣлыхъ длинныхъ сорочкахъ, шли съ сохою впереди шествія и проводили борозду вокругъ всей де-

ревни. Это считалось самымъ вѣрнымъ огражденіемъ отъ злого духа и русалокъ, которыхъ послѣ этого дня уже переставали бояться, считая ихъ уже исчезнувшими съ лица земли, до будущаго года. По мнѣнію народа онѣ уже жили въ водѣ и тамъ куралесили, схватывая тѣхъ, кто безъ креста купался, или вообще безъ молитвы былъ на водѣ.

Въ концѣ петровскаго поста начинался сѣнокосъ. Весь народъ уѣжалъ на луга. У насъ также верстахъ въ 8-ми отъ Карцева были луга. Назывались они „Воблинскіе", находились около Оки и озера близъ деревни Озерицъ. Косить эти луга отправлялись всѣ наши дворовые люди, кромѣ крестьянъ. Готовое сѣно привозили въ Карцево и Борислово, гдѣ у насъ было большое скотоводство. Мы дѣти очень любили это время, насъ отецъ иногда бралъ съ собою туда, при насъ ловили рыбу неводомъ и собирали раковъ, которыхъ въ берегахъ озера было множество. Я съ наслажденіемъ набирала водяныя травы и цвѣты. Какъ чудно красивы были бѣлыя душистыя лиліи, плавающія въ водѣ, лепестки у нихъ твердые бѣлые, какъ бы восковые, но какъ только ихъ вынимали изъ воды они сейчасъ же закрывали свои чашечки и имѣли уже видъ бутона и очень рѣдко распускались дома въ водѣ. Рыбу и раковъ живыми привозили въ Карцево, въ большихъ кадкахъ или ушатахъ. Раковъ Тихонъ поваръ сейчасъ же по пріѣздѣ въ Карцево варилъ на берегу нашей рѣчки подъ садомъ въ огромномъ котлѣ. Всѣ поѣдали, помню, множество этихъ раковъ, приносили ихъ цѣлыми подносами, одна мать ихъ никогда не ѣла и смотрѣла на нихъ съ отвращеніемъ. Въ іюнѣ между 8 и 20 числомъ начиналась жатва ржи и сборъ ягодъ въ саду и варка варенья; послѣднимъ занимался весь домъ. Горничныя собирали ягоды: смородину, крыжовникъ, няня ножницами осторожно срѣзала малину для варенья и намъ также давали ножницы и мы въ свои корзиночки набирали малину, но, конечно, большая часть шла не въ варенье, а намъ въ ротъ. Собранныя ягоды перебирали, сортировали, лучшія варили въ сахарѣ, среднія ягоды варили пополамъ съ сахаромъ и картофельной патокой, очень сладкой и густой какъ сахарный сиропъ. Этой патоки я давно уже въ употребленіи не вижу. Варенье съ прибавкой патоки, на банкахъ носило названіе „сахарное, расхожее".

Потомъ мелкія ягоды всѣхъ сортовъ варили въ меду и изъ нихъ дѣлали смоквы. Варкой варенья и заготовленіемъ всѣхъ запасовъ изъ ягодъ и плодовъ всегда занималась наша тетя съ помощью Аксиньюшки

ея горничной, но мы и другія горничныя принимали въ этомъ большое участіе. Вся эта работа происходила въ саду въ одной изъ бесѣдокъ, чаще внизу въ сиреневой, а иногда и въ акаціевой.

Намъ дѣтямъ накладывали варенье въ наши крошечныя баночки и мы дѣлали запасы для нашего кукольнаго хозяйства.

Когда начиналась уборка ржи мы часто бывали въ полѣ. Хорошую рожь бабы жали серпами, жатые снопы мнѣ очень нравились, всегда они были ровные, аккуратные. Тутъ между сноповъ, сложенныхъ въ крестцы бывали люльки съ грудными дѣтьми. Мнѣ всегда было безконечно жаль этихъ несчастныхъ крошекъ завернутыхъ въ разное тряпье и съ грязной соской во рту. Я любила ухаживать за этими дѣтишками, набирала дома для нихъ кисейныхъ тряпочекъ для соски и очень бывала довольна, если мнѣ удавалось наполнить карманы моего фартука кусочками бѣлаго хлѣба,—иногда удавалось добыть кусочекъ сахару, хотя послѣдній получать было очень трудно, такъ какъ намъ рѣдко давали чай, мы пили чай изъ листа черной смородины, анютиныхъ полевыхъ глазокъ и череды. Этотъ смѣшанный наборъ травъ заваривали какъ настоящій чай, мѣшали пополамъ съ молокомъ и въ чашку клался очень небольшой кусочекъ сахару. Мы этотъ настой пили съ хлѣбомъ, пышками, и сахару отдѣльно никогда не получали и онъ всегда былъ запертъ. По окончаніи жатвы бабы приходили къ намъ въ усадьбу, принося съ собой красиво связанный маленькій снопъ ржи. Входили онѣ во дворъ съ пѣснями и вся наша семья выходила на балконъ ихъ встрѣчать. Имъ раздавали оставшіяся отъ варенья ягоды т. е. тѣ, которыя уже не годились на варку,—и падаль яблокъ. Все это бабы принимали повидимому съ большимъ удовольствіемъ, но мнѣ почему то всегда было стыдно, что ихъ обдѣляютъ такой гадостью, какъ полупрокислыя ягоды, которыя ни на что больше не нужны, и дрянная падаль яблокъ.

Съ наступленіемъ Успенскаго поста почти въ половинѣ августа мы часто ѣздили въ боръ за грибами и брусникой. Насъ отправлялась всегда очень большая кампанія. Запрягались двѣ телѣги и дроги для нашей семьи, на дрогахъ помѣщались мы, я съ сестрой, иногда съ нами ѣздила мать, но не всегда, наша няня, и гувернантка, на телѣгахъ ѣхали горничныя со множествомъ корзинъ для грибовъ и кадочками для рыжиковъ, которыя тамъ же въ лѣсу и солили. Мы всегда бывали очень довольны, если ѣхали однѣ безъ матери, такъ какъ

тогда мы себя чувствовали несвободными, постоянно боялись, что она на насъ разсердится за что нибудь. Конечно, если бы вмѣсто матери съ нами поѣхала наша милая тетя, то наша радость была бы безконечна, но она не могла много ходить; у нее болѣли ноги. Мы забирались въ самую глубину бора устраивали тамъ „привалъ“, постилали ковры, раскладывали посуду и привезенную провизію, отпрягали лошадей. Въ лѣсъ мы пріѣзжали довольно рано, часовъ въ 8-мь или немного позднѣе и оставались тамъ цѣлый день, и уже совсѣмъ темнымъ вечеромъ возвращались домой. Устроивши нашу стоянку, мы брали корзины и отправлялись за сборомъ грибовъ. Меня въ неописанный восторгъ приводилъ безконечный лѣсъ,—сколько разнообразныхъ красивыхъ полянъ въ немъ мы находили. Я и до сихъ поръ чувствую себя счастливою, забываю всѣ пережитыя и переживаемыя мною непріятности, когда бываю въ этомъ прекрасномъ лѣсу.

Но въ настоящее время онъ потерялъ много своей первобытной тихой прелести. Теперь его пересѣкаетъ желѣзная дорога; около Луховической станціи, настроено много дачныхъ домиковъ; а въ то время, о которомъ я пишу мои записки, ничего, кромѣ безконечнаго пространства громаднаго строеваго хвойнаго лѣса, не было. Какъ я хорошо помню то радостное чувство, которое испытывала, находясь съ моей корзиной въ этомъ чудномъ лѣсу, все мнѣ хотѣлось забрать съ собой, здѣсь растенія были не тѣ, что у насъ въ нашихъ окрестностяхъ: кругомъ стояли громадные папортники, между ними во мху розовѣли чудные рыжики, которыхъ иногда на одномъ мѣстѣ мы набирали цѣлыя корзины. Бѣлые попадаются рѣже, но тоже по нѣскольку грибовъ вмѣстѣ. Няня страшно волнуется, боится, что мы, увлекшись сборомъ грибовъ, заблудимся въ лѣсу, ежеминутно, аукаетъ насъ, мы иногда нарочно молчимъ, чтобы попугать ее и вдругъ, неожиданно выбѣжимъ со смѣхомъ къ ней изъ за кустовъ.

„Ахъ вы, безстыдницы какія, какъ вамъ не грѣхъ обманывать такъ вашу старуху няню. Вотъ за то больше никогда не поѣду съ вами, пускай мамаша сама ѣдетъ и беретъ съ вами кого нибудь помоложе меня“.—„Ну нѣтъ няня,—отвѣчаемъ мы, ей въ одинъ голосъ,—безъ тебя не поѣдемъ, насильно увеземъ тебя съ собой“. Наберешь полную корзинку грибовъ и не знаешь куда дѣвать. Красивые мхи, которые тутъ же растутъ въ изобиліи—и какихъ рисунковъ!—но только цвѣтъ сѣрый, а рядомъ разнообразные зеленые мхи, ползучіе хвойные низенькіе кустарники съ прелестными лиловыми цвѣтами, а тутъ рядомъ изъ глубины мягкаго нѣжнаго зеленаго мха торчатъ граціозныя вѣточки

брусники на твердомъ стебелькѣ, ярко зеленые блестяшіе твердые листики и фризовыя ягодки, все это хочется взять съ собой. Корзина полна грибами, приходится всѣми этими прелестями наполнять фартукъ. Сестра Настя давно уже пристаетъ, что пора идти къ „стоянкѣ", она устала и хочетъ ѣсть, у ней корзина тоже полна грибовъ. Но другихъ вещей кромѣ грибовъ она не собираетъ, ко всѣмъ прелестямъ, наполняющимъ мой фартукъ, она остается равнодушной.

Добираемся до нашей стоянки. Тихонъ уже ставитъ самоваръ, разложенные припасы возбуждаютъ и безъ того хорошій аппетитъ, набираемъ сухихъ сучьевъ,—Тихонъ разводитъ костеръ ставитъ „таганъ", на него сковроду и жаритъ приготовленныя дома котлеты. Кромѣ этого съ нами есть пышки съ сюрпризами, какъ мы ихъ называли, такъ какъ въ пышкахъ находили запеченныя въ скорлупѣ яйца ѣли мы все съ большимъ удовольствіемъ, а также и пили чай съ привезенными изъ дома пѣнками отъ варенья. Отдыхая, перебирали грибы, самые маленькіе отбирали для маринованія въ особыя корзиночки. Крупные рыжики тутъ же солили въ привезенной кадочкѣ. Большіе бѣлые грибы тоже клали въ особыя корзины для сушки. Чтобы собрать насъ всѣхъ къ стоянкѣ Тихонъ звонилъ въ большой привезенный имъ для этого колокольчикъ. Перебирая грибы, мы говорили о томъ, кто что видѣлъ въ лѣсу. Кто бѣлокъ, кто необыкновенную какую нибудь птицу или ящерицу. Отдохнувши, опять шли въ лѣсъ и возвращались уже къ сумеркамъ, когда пора было ѣхать домой. Домой возвращались уже совсѣмъ вечеромъ счастливыя, довольныя, усталыя и засыпая все еще видѣли лѣсъ, грибы, ягоды. Милое, счастливое дѣтство! съ какимъ удовольствіемъ вспоминаю я его.

15-го августа всегда наша семья ѣздила на храмовой праздникъ въ Куково, имѣніе одного изъ Селивановыхъ, старшаго сына Василія Павловича Селиванова, постоянно до самой смерти жившаго въ своемъ родовомъ имѣніи Любовѣ съ меньшимъ сыномъ своимъ Василіемъ Васильевичемъ, имѣвшимъ большую семью. Хозяина Кукова звали Алексѣй Васильевичъ, а жену его Анна Яковлевна, они были бездѣтны, пользовались большимъ уваженіемъ въ уѣздѣ. Впослѣдствіи Алексѣй Васильевичъ былъ Губернскимъ Предводителемъ въ Рязани и послѣ смерти моего отца былъ нашимъ „попечителемъ" до самаго моего замужества. Они оба были очень любезны гостепріимны, но какъ-то у нихъ не такъ было весело, просто и уютно какъ у другихъ Селивановыхъ въ Любавѣ и Кошелевѣ. Семьѣ Василія Васильевича Селиванова Куковскіе Селива-

новы помогали много матеріально, часто выручали ихъ изъ денежныхъ затрудненій и впослѣдствіи все свое состояніе оставили дѣтямъ Василія Васильевича. Я теперь припоминаю, что жена Василія Васильевича Марія Дмитріевна веселая, добрая, но легкомысленная женщина, очень плохая хозяйка, побаивалась сильно этихъ своихъ уравновѣшенныхъ родственниковъ аккуратныхъ, сухихъ. Моего отца Алексѣй Васильевичъ очень любилъ за его честность во всѣхъ отношеніяхъ, за то, что онъ всегда былъ правдивъ и никогда не льстилъ и не низкопоклонничалъ предъ сильными міра сего, что въ старые годы было большой рѣдкостью. На праздникѣ 15-го августа въ Куковѣ собирались всѣ Селивановы, пріѣзжали Звягины изъ Гремячева и множество другихъ Зарайскихъ дворянъ со всѣми и семействами. Родные и близкіе люди пріѣзжали туда наканунѣ ко всенощной, которая подъ Успеньевъ день очень торжественно совершалась въ ихъ домѣ. Наша семья также пріѣзжала туда наканунѣ. Насъ дѣтей туда брали не всегда, чему мы бывали очень рады, такъ какъ намъ тамъ бывало скучно и кромѣ купанья въ Осетрѣ, на которомъ была устроена прекрасная большая купальня, ничего пріятнаго для насъ, дѣтей, не было. Дѣтей тамъ собиралось много, но какъ то тамъ всѣмъ намъ бывало скучно. Въ Куковскомъ строго поставленномъ домѣ, гдѣ своихъ дѣтей никогда не было, странно какъ то было бѣгать, играть въ разныя игры, какъ мы всѣ это дѣлали въ Любовѣ, Кошелевѣ и Карцевѣ, когда собирались вмѣстѣ. Особенно весело бывало у крестной матери въ Гремячевѣ, гдѣ мы гостили по временамъ довольно долго. Послѣ Успеньева дня намъ предстояло великое удовольствіе—это поѣздка въ Борислово, для сбора орѣховъ. Тамъ у насъ былъ довольно большой лѣсъ, полный орѣшника. Орѣхи строго оберегались, для этого жилъ въ Борисловѣ каждое лѣто сторожъ. Въ Борисловѣ ни дома, ни флигеля не было, но была прекрасная большая рига, очень большой скотный дворъ съ хорошей избой и большимъ ледникомъ-погребомъ. Тамъ велось полевое хозяйство и скотоводство,—бывало до 40 головъ. Сборомъ масла и уходомъ за коровами завѣдывала моя кормилица; потому для меня поѣздка въ Борислово имѣла еще бòльшій интересъ, такъ какъ свиданіе съ моей дорогой кормилицей, которую я страстно любила, дѣлало меня всегда счастливой. Назначался день сбора, наканунѣ готовилось множество холодныхъ блюдъ, пеклись пироги съ цыплятами, укладывались погребцы съ чаемъ, сахаромъ. Корзины наполнялись посудой для чая и обѣда. Съ вечера приготовлялись телѣги, куда укладывали все нужное для поѣздки. Горничныя, няня, гувернантка и вся наша семья отправлялись въ Борислово. Крестьянки тоже отправлялись туда для сбора орѣховъ. Съ какой тревогой мы проводили эту ночь, боясь, чтобы не

измѣнилась погода и не пошелъ бы дождь. Наконецъ, наступало желанное утро, сборы кончены и мы размѣстились для дороги, мать съ отцомъ въ бричкѣ, а горничныя въ телѣгахъ—и нашъ поѣздъ трогается въ путь. По пріѣздѣ въ Борислово насъ встрѣчала моя кормилица и провожала насъ въ чисто убранную просторную ригу, около которой стояло много скирдъ ржи и овса. По бокамъ стояли большіе сараи наполненные хлѣбомъ и сѣномъ. Противъ риги были остатки когда то бывшей усадьбы и сада, сохранилась дорожка очень сладкаго мелкаго желтаго крыжовника и немного яблонь. Въ концѣ этого садика была саженая рощица высокихъ орѣховыхъ кустовъ, на этихъ кустахъ бывали особаго сорта орѣхи, продолговатые и крупные подъ названіемъ „каранскіе", а сама рощица называлась „сажалка". Орѣхи въ этой рощицѣ собирались горничными, бабъ въ нее не пускали и эти орѣхи сберегали отдѣльно.

Тетя по пріѣздѣ занималась съ помощью няни и моей кормилицы устройствомъ въ ригѣ удобнаго для насъ помѣщенія, туда приносили все привезенное изъ дома и провизію и вещи, а мать и отецъ въ сопровожденіи сторожа раздѣляли весь лѣсъ на части. Бабы съ большими мѣшками у пояса отправлялись собирать орѣхи. Онѣ должны были сначала обобрать первую отведенную имъ часть,—идти дальше безъ этого имъ не позволялось. Мы, конечно, съ нашими корзинами могли бѣгать по всему лѣсу и сажалкѣ куда намъ хотѣлось. Тутъ же рядомъ съ нами въ Борисловѣ жила семья небогатыхъ и малообразованныхъ помѣщиковъ Злобиныхъ, его звали Петръ Львовичъ, а жену Надежда Петровна, у нихъ были дѣти, наши ровесники, дочери Оля, Надя и сынъ Миша. Тетя бывало скажетъ, „идите къ Злобинымъ, возьмите съ собой ихъ дѣтей и собирайте вмѣстѣ орѣхи, пускай и онѣ себѣ ихъ наберутъ. Только въ сажалку ихъ не водите, туда можете ходить, когда останетесь одни безъ нихъ".

Намъ идти за дѣтьми не хотѣлось, такъ какъ непріятно было уходить отъ лѣса, особенно отъ „сажалки", высокіе прямые кусты въ которой сплошь были покрыты прозрачными почти гранками, изъ которыхъ выглядывали коричневые орѣшки, они бывали такъ спѣлы, что если сильно потрясти вѣтви, то орѣхи сами падали.

И вотъ мы вмѣсто того, чтобы идти самимъ къ Злобинымъ посылали за ними одну изъ моихъ молочныхъ сестеръ, дочерей моей кормилицы, ихъ было три: Анисья много старше меня, на ея попеченіе оставлялся ея братъ, „Ѳетиска" какъ его звала кормилица, отъ

этого мальчика меня кормилица и кормила, онъ вѣроятно отъ ухода сестры дѣвочки и умеръ, что было очень тяжело перенести матери, такъ какъ она имѣла только одного сына, остальныя дѣти у ней были дѣвочки. Я удивляюсь, какъ могла она любить меня, когда кормленіе меня своимъ молокомъ ей стоило жизни ея единственнаго сына. Но на то было крѣпостное право, по произвольному выбору господъ брали изъ семьи кормилицу выкармливать барскаго ребенка, отнимали у дѣтей мать, у мужа жену и хозяйку дома на цѣлый слишкомъ годъ.

Мужъ видался съ женой очень рѣдко и то въ присутствіи няни. Дѣтей повидаться съ матерью тоже допускали не часто и на самый короткій срокъ. Правда черезъ годъ кормилица возвращалась домой съ большимъ запасомъ нарядовъ потому, что кромѣ поневы, фартуковъ, платковъ, рубашекъ и тѣхъ сарафановъ, которые она носила въ барскомъ домѣ, кормившей барскаго ребенка, дѣлали при отпускѣ двѣ шубы, одну крытую плисомъ, другую дубленую изъ овчинъ. Получала она и деньгами, не помню уже сколько, но только по тогдашнему времени немало; но конечно эти подарки и матеріальная помощь мужу, которому тоже во время отсутствія жены изъ дома давали разныя льготы, не могли вознаградить никого за тѣ нравственныя муки, которыя испытывала женщина, оторванная насильно отъ родной семьи. Вторая дочь кормилицы была Маша, хорошенькая, веселая живая дѣвочка, и послѣдняя дочь Груша, бывшая впослѣдствіи моей горничной, до самаго уничтоженія крѣпостного права. Мы съ ней жили очень дружно, и почти одновременно вышли замужъ. И вотъ этихъ маленькихъ дѣтей кормилицы посылали мы за дѣтьми Злобиными, а сами въ это время рвали орѣхи въ заповѣдной сажалкѣ. Съ приходомъ Злобиныхъ всѣ гурьбой шли собирать орѣхи до обѣда. Обѣдъ, приготовленный моей кормилицей мнѣ казался чрезвычайно вкуснымъ. Состоялъ онъ всегда изъ цыплятъ во всѣхъ видахъ и густыхъ сливокъ съ свѣжимъ творогомъ. Мать и отецъ уѣзжали въ Карцево, а мы съ тетей оставались ночевать въ Борисловѣ, тамъ была большая криница, какъ ее называли, осталась она, вѣроятно, отъ флигеля, который былъ раньше здѣсь. Въ этой „криницѣ" было множество полокъ, на которыхъ стояли горшки съ молокомъ, что квасилось на сметану. Запасныя подушки всегда оставались въ Борисловѣ, такъ какъ отецъ во время сѣва и молотьбы жилъ здѣсь по недѣлѣ. Собранные орѣхи въ гранкахъ отвозились въ Карцево. И когда уже были собраны всѣ орѣхи, то лѣсъ освобождался отъ караула и бабы съ ребятишками собирали оставшіеся до глубокой осени. Въ Карцевѣ эти собранные

орѣхи, высыпались въ амбарахъ на полу; мѣшками и корзинами ихъ приносили въ домъ, гдѣ на разосланныхъ толстыхъ конопляныхъ простыняхъ ихъ „шелушили", т. е. лущили отъ гранокъ. Орѣховъ набиралось множество, изъ нихъ били масло, калили, въ особенныхъ небольшихъ кувшинчикахъ закапывали въ землю въ подвалѣ. Кувшинчики были съ крышечками, ихъ замазывали глиной и зимой иногда даже на Пасхѣ изъ этихъ кувшинчиковъ вынимали совершенно свѣжіе, какъ бы сейчасъ сорванные съ дерева орѣхи. Варили также зерна орѣховъ въ меду и сахарѣ. Изъ этой варки выходили очень вкусныя конфеты, которыя, чтобы подать на столъ, надо было колоть щипцами, какъ сахаръ. 21 августа бывалъ очень веселый праздникъ въ Любавѣ, въ этотъ день было рожденіе хозяйки Маріи Дмитріевны. Туда съѣзжались всѣ Селивановы и другіе знакомые и сосѣди помѣщики. У меня осталась въ памяти еще семья Лихаревыхъ изъ Орѣшкова, у нихъ были дѣти, наши сверстники. Въ Любавѣ намъ дѣтямъ всегда было весело, мы на свободѣ играли въ саду и въ паркѣ окружающемъ садъ. Въ этомъ лѣсу—меня поражали огромные столѣтніе дубы и липы,—казалось, что на такихъ деревьяхъ, вѣроятно, жилъ Соловей-разбойникъ и Илья Муромецъ. Въ саду было множество разныхъ плодовъ: яблонь, грушъ, цѣлая роща красныхъ, черныхъ и бѣлыхъ сливъ. Намъ, дѣтямъ, гостямъ и хозяевамъ, въ этомъ саду было полное раздолье. Насъ, дѣтей, иногда здѣсь оставляли погостить на два или три дня, и мы возвращались домой съ полными корзинами фруктовъ, которыхъ у насъ въ Карцевѣ не было. 30 августа мы ѣздили въ Негоможъ къ Александрѣ Николаевнѣ Чаплыгиной, очень богатой вдовѣ, имѣвшей землю и скотный дворъ въ Карцевѣ, гдѣ жилъ всегда только одинъ ея работникъ. Негоможъ,—это было замѣчательно красивое и богатое имѣніе на берегу Оки. Домъ былъ настоящій англійскій замокъ. Чаплыгиныхъ было раньше два брата, Арсеній Ивановичъ и Александръ Ивановичъ,—оба они были вѣроятно ненормальные люди и кончили оба трагически. У нихъ обоихъ была манія ревности. Александръ Ивановичъ имѣлъ красивую жену, которую заперъ въ своемъ родовомъ имѣніи Негоможѣ. Ревновалъ онъ ее ко всѣмъ безъ исключенія, даже къ мужской прислугѣ; въ его отсутствіе ни одинъ молодой лакей не смѣлъ войти въ комнаты, гдѣ находилась барыня. По временамъ онъ дѣлалъ роскошные пиры знакомымъ помѣщикамъ, и жена на этихъ пирахъ еле живая отъ страха должна была присутствовать какъ хозяйка. Гости зная ревнивый характеръ мужа, чтобы поддразнить его ухаживали за хорошенькой женой.

Но всѣ ихъ шутки мучительно отзывались на несчастной женщинѣ. По окончаніи пира, послѣ разъѣзда гостей, бѣдная женщина

переносила невыносимыя муки и нравственныя и физическія, она должна была повторить каждое слово сказанное ей кѣмъ либо изъ мужчинъ,—при этомъ Александръ Ивановичъ говорилъ ей саркастически: „забыли? не помните?—такъ я вамъ постараюсь напомнить", при чемъ такъ сильно щипалъ ее, что послѣ допроса вся въ синякахъ и горючихъ слезахъ она уходила въ свою комнату, куда немного погодя являлся къ ней Александръ Ивановичъ, на колѣняхъ молилъ прощенія и осыпалъ ее страстными безумными ласками. У нихъ была двухъ лѣтъ дочка, которая была единственной радостью своей матери. За ней ходила кормилица, отъ которой дѣвочка недавно была отнята; эта женщина была единственнымъ другомъ своей барыни, такъ какъ Александръ Ивановичъ и съ женщинами интимно сближаться женѣ не позволялъ. Единственный человѣкъ между всѣми знакомыми Александра Ивановича пользовался его дружбой и бывалъ у него часто запросто, какъ свой человѣкъ, это былъ помѣщикъ Похвистневъ, но и онъ такъ же какъ и другіе, любилъ поддразнить Чаплыгина. Разъ лѣтомъ пріѣхалъ онъ въ Негоможъ, ему Чаплыгины очень обрадовались, долго гуляли, катались на лодкѣ по рѣкѣ. За обѣдомъ выпили порядочно и во время обѣда въ столовую вошла кормилица съ дѣвочкой. Александръ Ивановичъ, указывая на дочь, сказалъ: „смотри, другъ, неправда ли какъ моя дочка похожа на меня и по лицу, и по капризамъ, какъ говоритъ жена". На это Похвистневъ со смѣхомъ отвѣчалъ: „ну, ужъ это твоя фантазія,—не знаю на кого она похожа характеромъ, но уже лицомъ то, совсѣмъ на тебя не похожа, а ужъ скорѣе на меня, на своего крестнаго". Обѣдъ окончился весело, Александръ Ивановичъ приказалъ изъ погреба достать шампанскаго. Жена этому очень удивилась, но Александръ Ивановичъ сказалъ: „знаешь поговорку,—для милаго дружка и сережка изъ ушка, а Алеша (Похвистневъ) настоящій мой другъ и, почему то сталъ рѣдкимъ гостемъ, прежде онъ чаще ѣздилъ". Весело роспили бутылку шампанскаго и отправились въ бесѣдку пить кофе.

Послѣ кофе Чаплыгинъ проводилъ Похвистнева отдохнуть въ приготовленную комнату, самъ вернулся въ бесѣдку въ страшномъ видѣ. Выхватилъ изъ рукъ кормилицы дѣвочку и тутъ же моментально задушилъ ее. Выхватилъ изъ кармана пистолетъ и убилъ наповалъ жену. На крикъ кормилицы прибѣжали слуги и Похвистневъ и застали страшную картину: мертваго ребенка въ объятіяхъ мертвой матери и мертваго Чаплыгина,—онъ тутъ же застрѣлился самъ. И такъ, въ одинъ часъ погибла вся семья. Все богатство Александра Ивановича досталось его брату Арсенію Ивановичу, женатому на Александрѣ Никола-

евнѣ, я ее уже помню вдовою, веселой, жизнерадостной, жила она роскошно и весело. На ней несчастная супружеская жизнь не оставила слѣдовъ, а жизнь ея замужемъ была ужасная,—пьяный, ревнивый мужъ страшно ее тиранилъ, она часто ночевала въ обметахъ соломы или въ стогахъ сѣна. Мужъ ея, умеръ, опившись вина. Александра Николаевна первое время послѣ смерти мужа года два никого, кромѣ монаховъ и поповъ, не принимала. Ѣздила по монастырямъ, построила въ своемъ имѣніи церковь, на освященіе которой созвала весь уѣздъ, сдѣлала предъ этимъ всѣмъ семейнымъ помѣщикамъ визиты и съ этого времени стала свѣтской, веселой женщиной. У ней было много уже взрослыхъ дѣтей и двѣ послѣднія дочери были наши сверстницы—Юлія и Надя—я съ ними была очень дружна. Проходило лѣто, наступала осень. 1-го октября былъ храмовой праздникъ въ Кошелевѣ, насъ туда по дурной погодѣ рѣдко брали. Послѣ этого праздника Селивановы и Кошелевскіе и Любавскіе уѣзжали мѣсяца на два или на три въ Москву. Любавскіе Селивановы, впрочемъ, при жизни старика Василія Павловича на долго уѣзжали рѣдко, большую часть зимы проводили въ деревнѣ. Съ 1852—53 года всѣ были заняты войной, сначала ожидали ее съ интересомъ, читали газеты, бранили англичанъ и французовъ, что они соединились съ турками противъ насъ русскихъ. Восхищались императоромъ Николаемъ Павловичемъ, за то что онъ не хотѣлъ идти ни на какія уступки и, еще помню, всѣ говорили, что нашъ императоръ ни за что не хотѣлъ признать равнымъ себѣ Наполеона III, и никогда не называлъ его императоромъ.

Помню, когда была объявлена война, мать со слезами читала намъ всѣмъ вслухъ манифестъ о войнѣ и при этомъ плакала. Всѣ были увѣрены, что мы будемъ побѣдителями. Мы дѣти учили разныя патріотическія пѣсни и стихи. Помню, что пѣвали подъ акомпаниментъ фортепіанъ такую пѣсенку:

„Вотъ въ воинственномъ азартѣ
„Воевода Пальмерстонъ
„Поражаетъ Русь на картѣ
„Указательнымъ перстомъ"...

и такъ далѣе въ томъ же юмористическомъ духѣ. Эта пѣсенка назначалась для англичанъ, а для французовъ пѣлась другая, начала не помню, но тамъ были слѣдующія строфы:

„Не нужны намъ стальныя перья,
„Покойный славный Валсъ Карлосъ

„Свое отъ трона отрѣченье
„Простымъ гусинымъ подписалъ.
„Не нужны намъ и черепашьи потроха,
„Въ волнахъ родимый Березины готова Вамъ и т. д.“.

Помню, что въ церкви послѣ каждой обѣдни служились молебны съ колѣнопреклоненіемъ. Во всѣхъ домахъ приготовляли корпію, этимъ занимались и большіе, и дѣти. Были рекрутскіе наборы, всѣ плакали, собирали уже въ каждомъ имѣніи пожилыхъ уже крестьянъ въ ратники. Осенью 1853-го года мать и отецъ рѣшили погостить на святкахъ въ Москвѣ и объявили мнѣ, что и меня возьмутъ съ собой. Я была въ восторгѣ отъ мысли, что увижу Москву, кремль; съ ноября уже начались разные сборы въ предполагаемой поѣздкѣ. Мать и отецъ рѣшили меня отдать въ Москвѣ въ пансіонъ, но они ни мнѣ, ни моей милой тетѣ Александрѣ Павловнѣ объ этомъ ничего не говорили, такъ какъ тетя меня страстно любила, и разлука со мной для нее должна была быть очень тяжела, они думали, что ея горе меня разстроитъ и хотѣли о своемъ рѣшеніи написать изъ Москвы. Рождество въ этотъ годъ мы встрѣтили такъ же какъ и всегда. На третій день праздника мы выѣхали изъ Карцева на своихъ лошадяхъ въ огромномъ возкѣ, со множествомъ запасовъ. Прощалась я со всѣми очень весело, такъ какъ была увѣрена, что ѣду не на долго, посмотрю на всѣ столичныя диковинки, о которыхъ много читала и скоро опять вернусь въ милое Карцево.

Такъ кончилось мое милое, тихое дѣтство въ деревнѣ, которое на всю жизнь осталось у меня въ памяти, какъ любовь моя къ моему родному уголку сохранилась у меня навсегда.

Анна Лелонгъ.

